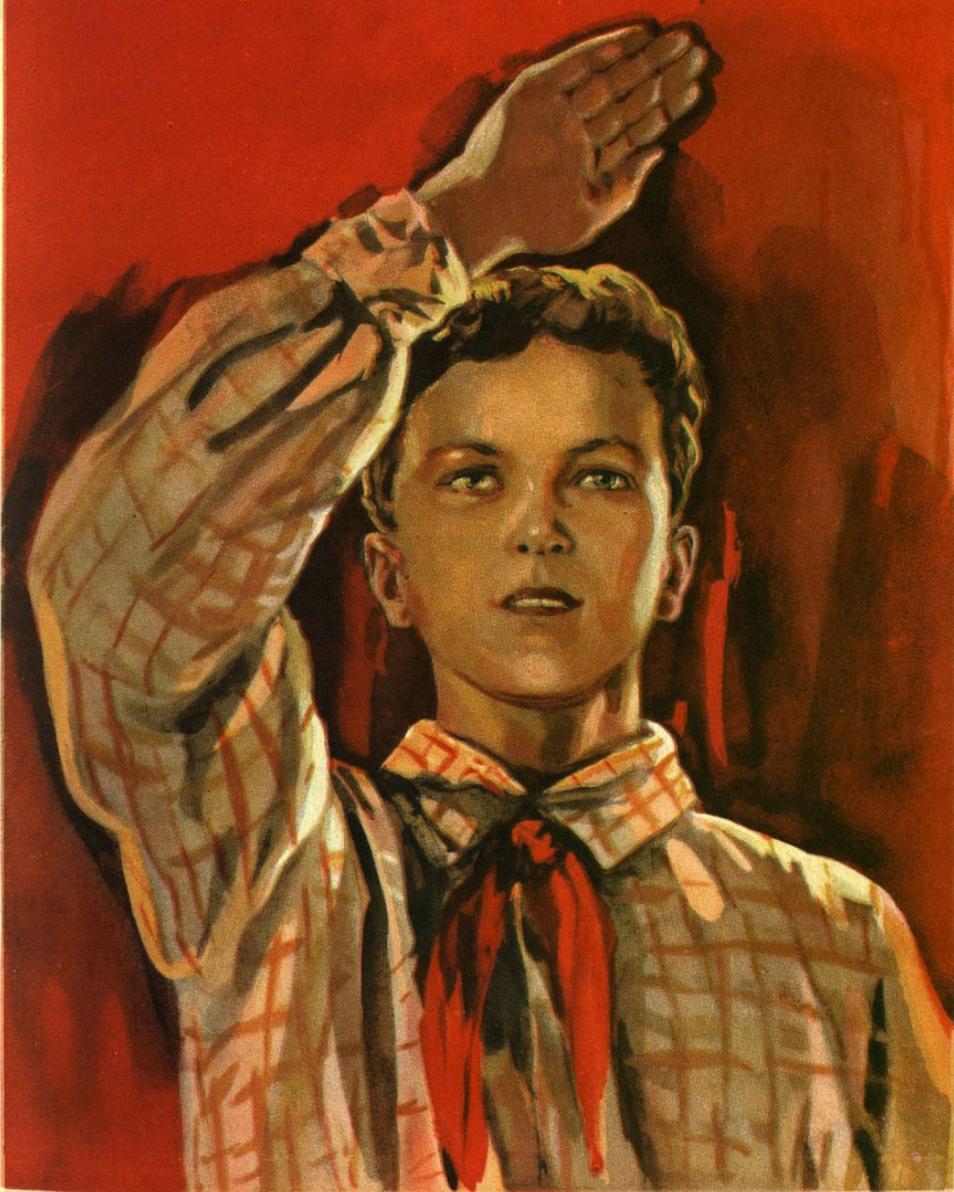

ПИОНЕР

СЕНТЯБРЬ

Издательство „Правда“. 1947 г.

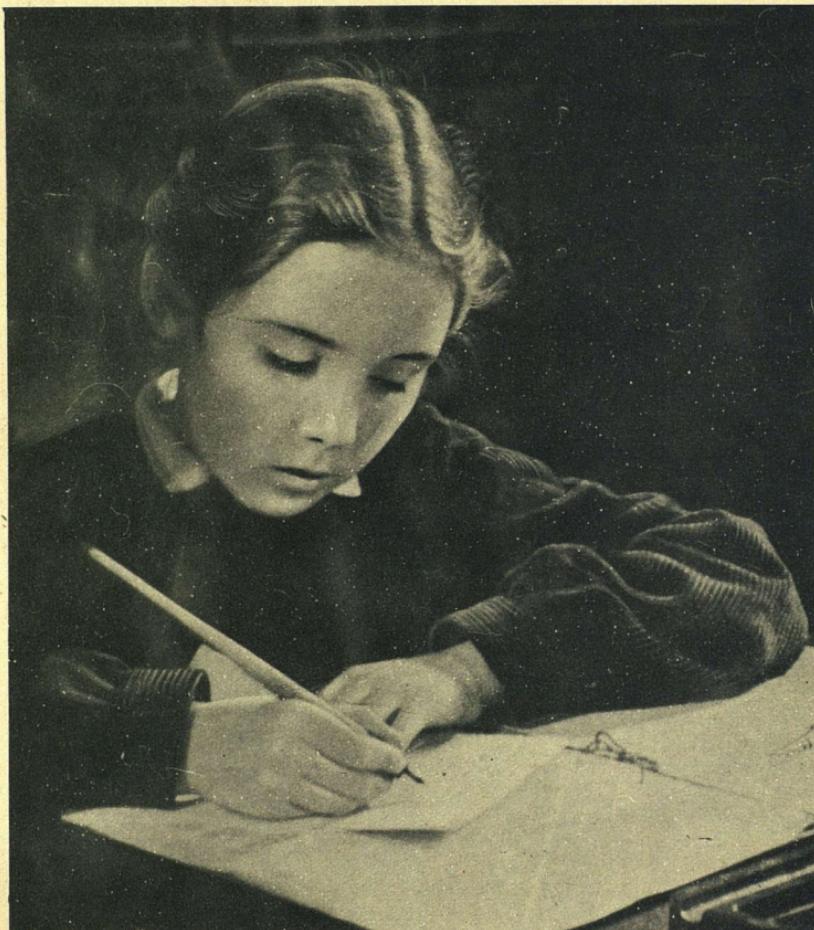
№ 9

П И О Н Е Р

СЕНТЯБРЬ

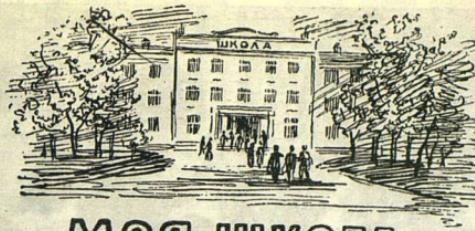
1947 г.

Ежемесячный детский журнал
Центрального Комитета ВЛКСМ

Школьница.

Фото М. Бугаевой

МОЯ ШКОЛА

3. Александрова

Рис. Н. Лапшина

Пора, пора, ребята!
Звонок торопит в класс.
Весной ходил я в пятый,
В шестой иду сейчас.

Школа,
Школа,

Любимая моя,
Из лагеря весёлый
К тебе вернулся я.
Друзья мои, здорово!
Какой у нас урок?
Встречаемся мы снова
На долгий, долгий срок.
Хороших, новых книжек
Я на зиму припас...
А парты стали ниже,
И будто меньше класс.
Мы выросли, как в сказке,
У карты я стою,
И пальцем без указки
Аляску достаю.

Ребята, старше классом
Мы стали пятый раз,
И даже кто-то басом
Заговорил у нас.
В знакомой гимнастёрке,
Войдёт учитель в дверь.
Учиться на пятёрки
Мне хочется теперь.
Школа,

Школа,
Школа,

Любимая моя,
Из лагеря весёлый
К тебе вернулся я!

На уроке биологии в 204-й московской школе.

В одноЙ школе

Н. Розенкап

Однажды (это было прошлой зимой) в 204-й школе собрались бывшие ученики школы. Пришли взрослые, даже пожилые люди. Ведь школа существует тридцать лет. Теперь у прежних учеников за плечами была большая жизнь, их дети уже ходили в школу. Но, получив приглашение, они отложили все свои дела и приехали.

Представьте себя на их месте. Вот вы уже взрослый и солидный человек. Может быть, учёный, может быть, моряк или инженер. Вам лучше знать, кем вы будете. В один прекрасный день школа, в которой вы учились, где прошло всё ваше детство, присыпает письмо: «Приезжайте!»

Как бы вы ни были заняты в этот вечер, что бы ни задумали, вы отложите всё.

Сколько лет вы не были в этом переулке! Вот знакомый дом... Переступив его порог, вы поднимаетесь по лестнице. Даже если вы привыкли

теперь ходить тихо и размеренно по этой лестнице вам захочется взбежать. Вот широкий подоконник в коридоре, сколько он знает тайн! Если идти по коридору, третья дверь направо — ваш класс. Вы обязательно войдёте в него, вы захотите сесть за свою парту. Только теперь уже не усядешься так удобно, как бывало: парты стала мала.

Но самое главное впереди. Вы увидите своих учителей, ребят, с которыми учились. Конечно, они теперь вовсе не похожи на ребят. Но разве можно не узнать соседа по шарте!

В большом зале собрались люди разных профессий и возрастов — двадцать выпусксов. В кресле на самом почётном месте сидела Клавдия Васильевна Полтавская, первый директор школы. Теперь ей было уже очень много лет, она не могла сама подняться по лестнице, ученики внесли её в зал на руках.

— Как я рада видеть вас всех! — сказала им старая учительница. — Ведь я люблю вас, как в прежнее время!

И «прежнее время» весело вошло в собрание. Послышались разговоры про «ребят нашего класса», кто, где, когда виделись. Казалось, зашелестели страницы учебников, тетрадок в клетку и линеек. Вот в этих стенах Женя Жаров взял в руки первый букварь. Здесь Зина Грудская, теперь она инженер, выучила таблицу умножения и впервые услыхала про Архимеда. Много лет назад тихий Феликс Зигель поднял руку и спросил, что такое бесконечно малое. И может быть, именно в тот урок, слушая объяснения учителя, он решил стать астрономом, а теперь владеет звёздным небом Планетария. В немецком плену, в тюрьме, Ана Лесина вспоминала спор на уроке литературы, что такое принцип. Нет, не было ни одного урока, который не пригодился бы им в жизни. Здесь они узнали начала всех наук, увидели целые миры. Здесь сложились их характеры, их взгляды на жизнь. Школа вырастила их и вывела на самостоятельный путь. Вот почему с такой любовью они встретились со своими старыми учителями, заходили в свои классы, садились за парты.

Особенная ли эта школа, которую так любят её ученики? Нет, ребята, это одна из обычных советских школ, в которых миллионы ребят становятся достойными гражданами нашей великой страны.

Сегодня мы познакомим вас с ней, расскажем об учениках, которые идут к знаниям, хотя порой и разными путями. Расскажем об учителях, о делах, которые происходят в этом большом и светлом доме. Многое напомним вам, наверно, и вашу школу.

Слышали ли вы про лабораторию Юры Любимова?

— Нет, не слышали, — ответили мы, и нас познакомили с Юрай, с одним из активнейших членов кружка юных физиков.

Многие приборы в школьном физическом кабинете сделаны его руками. И у себя дома Юра устроил целую лабораторию — 50 приборов. К Юре часто приходят товарищи. Здесь они вместе ставят опыты, читают, часто подолгу ведутся здесь жаркие разговоры о любимой науке. Трудно вспомнить, как Юра стал увлекаться физикой. Может быть, это началось с молнии. Учитель показывал опыт, и в классе блеснула яркая искра.

— Это молния, которую вы видели на небе, — сказал учитель.

А может быть, юрико увлечение началось ещё раньше, когда маленькая спиральная ко-

робочка, словно пароход, спокойно проплыла от края до края тарелки, а, свёрнутая в комок, упала на самое дно. Или в тот урок, когда они поставили на весы гирьки и, словно кусок дерева, взвесили невидимый, прозрачный воздух.

В тот или другой урок, но физика стала любимым предметом Юры.

Очень странно, когда мальчик стоит в тёмной комнате и причёсывается у зеркала. Странно, что это опыт. Да, электричество живёт в волосах, из-под расчёски вспыхивают яркие искорки. Странно, когда мамины итоги рассыпаны по столу, а мальчик, словно колдун, делает над ними какие-то пассы рукой. И, вздрогнув, итоги вдруг тянутся к его руке. Вот как действует магнит.

Но всё это, как говорит Юра, — детские опыты, он даже забыл о них. Его лаборатория в углу комнаты сейчас состоит из двух столов и шкафа, здесь стоят и солидные приборы, технические весы, амперметр, вольтметр и разные самодельные спиртовки, пинцеты, стеклянные банки и мензурки. На полке лежат книги по физике.

Юра ведёт журнал опытов. Рядом с обычными рабочими записями встречаются выписки из книг, мысли и наблюдения самого мальчика. По ним видно, как внимательно слеит Юра за достижениями современной физики. В своей лаборатории он часто пробует повторять опыты больших учёных. Конечно, не всегда удается достигнуть нужных результатов. Но Юра уже не раз заглядывал в сложный и увлекательный мир науки. Мир этот велик, и ученик Юра Любимов стоит сейчас ещё на первой ступени знания. Но тот, кто с детства учится серьёзно и вдумчиво, — тот успешно пойдёт вперёд!

«Как это могло случиться?»

Хорошо, когда ученик любит своего учителя так, как Юра Любимов — преподавателя физики Бориса Ивановича Майорова. Но бывает и не так. В одном классе был «нелюбимый учитель». Он преподавал черчение. Сам по себе это, конечно, очень интересный предмет, но мальчики жаловались, что учитель притирается. Стоило ему взять в руки чертёж, он сразу говорил:

— Вот здесь ты передвинул линейку...

Это было верно. Именно здесь, где линия, казалось, чуть вздрогнула, мальчики передвинул свою линейку. Конечно, можно было сделать аккуратнее, более осторожно отнять линейку, но так случилось...

— Как это случилось, как это могло случиться?! — сердился учитель.

Он быстро проволол длинную прямую линию. Он передвигал линейку и влево и вправо, а линия получалась ровная, как стрела.

Хорошо заниматься в школьной читальне! Здесь всегда такая сосредоточенная, строгая тишина. И все нужные книги под рукой.

Мальчики очень любят свою библиотеку.

— Вот, вот, смотрите!..

Учитель черчения любил этот яоный мир чётких и строгих линий. Ему было обидно, что мальчики так небрежны.

— Вот вы начертите криво, — говорил он, — и по вашему чертежу выстроят кривую колонну, а вот такая шестерёнка может сломать всю машину...

Нельзя сказать, чтобы мальчики не понимали правоту учителя. Конечно, они понимали, но и колонны и шестерёнки — всё это было в будущем. «А пока мы не чертёжники и нечего так придраться!» — говорили они.

Учитель приходил на урок с целым альбомом чертежей, он радостно раскрывал свою папку. Но неожиданно взгляд его падал на чьё-то нахмуренное или сонное лицо, и ему становилось скучно среди этих мальчиков.

Если вы хотите знать, ребята, урок и преподавание зависят не только от учителя, но и от вас. Представьте себе отворённые двери, в которые никто не входит. Вот так бывает на уроке, когда ребята не слушают или не понимают. Ведь каждый учитель, добрый он или сердитый, любимый или нелюбимый, открывает перед вами двери в свой храм, в свою науку. Входите, учитесь!

Легенда о приదирках, предубеждение мешали ученикам понять своего учителя. Но это не могло жить долго. Один за другим, порой с удивлением, мальчики обнаруживали, что учитель вовсе не придирается. Не хочет «срезать» своих учеников. Конечно, он часто сердится. Но, действительно, разве можно спокойно видеть кривую линию или дом, покосившийся на бок? Нет, нельзя. Мальчики это поняли. Суровый, «нелюбимый» учитель научил их чертить точно, ясно и строго. Наверно, они ещё с благодарностью вспомнят его сердитые слова:

— Ну, как это могло случиться?

Победа ученика

У каждой отметки своя история, это известно. Как-то один генерал рассказывал историю одной отметки, которую он получил, кажется, ещё в четвёртом классе. Это была неприятная двойка в арифметике. Отец узнал об этом и взял слово, что он её исправит. В чудесный солнечный день мальчик сел учить арифметику. Его друзья в это время играли на улице в футбол, на столе лежал недочитанный роман Жюль Верна, а в ки-но шла новая комедия. Одним словом, соблазнов

Московские пионеры в Государственном музее изобразительных искусств имени А. С. Пушкина.
С картины Б. Винокурова.

была масса, но мальчик пересилил себя и выучил урок. А рассказал это генерал, отвечая на вопрос ребят о своей первой победе.

— Да, это была первая в моей жизни и, пожалуй, самая трудная победа. Я победил самого себя, — сказал генерал.

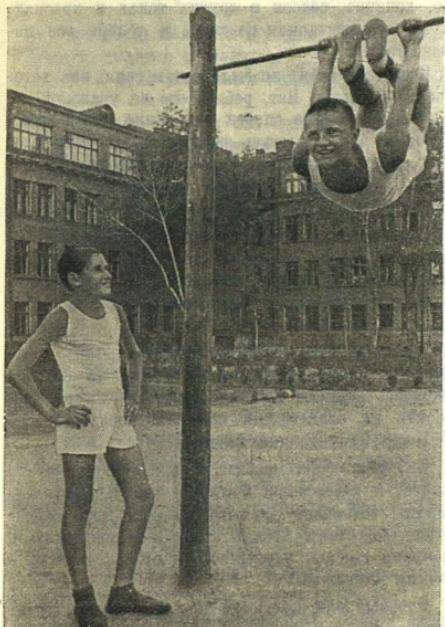
Если подумать, ребята, то каждый день в нашей жизни бывают такие победы или поражения.

Каждый отличник или хороший ученик, даже если он и очень способный, — это прежде всего человек сильной воли. Вот послушайте, как учился в 204-й школе один мальчик. Он просил нас не называть его, потому что ему стыдно вспоминать прошлое. Назовём его Ивановым.

В пятом классе он получил две переэкзамены — по немецкому языку и математике. Осенью он с трудом сдал их. В шестом классе по немецкому языку у него снова была двойка. Еле-еле он перешёл в седьмой класс.

Но вот случилось важное событие: Иванов подал заявление в комсомол. Долго думали члены комитета комсомола над его заявлением и решили: не принимать, временно воздержаться.

— Что значит временно? — спросил Иванов.

Это Алексей Фашчевский (стоит) и Евгений Онегин, члены гимнастической секции 204-й школы. Оба они участвовали во Всесоюзном параде физкультурников.

— Это значит, когда ты станешь лучше учиться, мы примем тебя, — сказал секретарь.

— Но я ведь и так стараюсь, — сказал Иванов.

— Ты можешь учиться лучше.

Случалось ли вам прочитать какую-либо страницу с верху до низу и потом обнаружить, что собственно, даже не знаешь, о чём только что прочёл? Мысли были где-то далеко. Как будто ты сделал всё, что надо: не бегал, не лодыричила, прочёл весь урок от начала до конца, а ничего не вышло. Отличник Алик Березин называет это состояние удивительно точно. «Лень думать», — говорит он про такие случаи.

Иванов, о котором мы говорим, должен быть, принадлежал к тем людям, которым всегда «лень думать». Он читал учебники, но не вдумывался в них, он запоминал даты, но мысль его не уходила в глубь веков, где происходили эти события.

Так Иванов учился долго, несколько лет. Урок, который он получил на комитете комсомола, был очень тяжёлый. Он очнулся. Учиться хорошо во что бы то ни стало! — это стало его целью. Это разбудило его дремавшую мысль. Настойчиво и упрямо он заставлял себя вдумываться, понимать прочитанное, он не позволял мыслам разбегаться. Немецкую грамматику он не заучил, а понял. Он мог теперь применить её в диалоге, мог по всем правилам грамматики построить немецкую фразу.

Конечно, это случилось не сразу.

Дорого доставались ему знания. Правда, хорошо помогали друзья-комсомольцы, но всё же трудно было победить свою «лень думать».

Наконец пришёл счастливый день — Иванов был принят в комсомол и получил комсомольский билет; он завоевал его, как солдат в бою, — победой!

То, чего нет в программе

В шестом классе Боря Горбачёвский мог прочитать наизусть всего «Евгения Онегина».

Члены исторического кружка школы написали такие интересные и содержательные работы о Москве, что кружок получил почётную грамоту.

Ученик 9-го класса Миша Калика на тридцати трёх страницах написал критический очерк о выставке современной польской графики.

220 мальчиков объединились в общество по изучению Арктики.

На первый взгляд, между этими фактами нет ничего общего. История Москвы, Арктика, «Евгений Онегин», польские художники.

Да, всё разное, но это и показывает, как широк круг интересов мальчиков.

Школьная программа не заставляла Борю Горбачевского читать «Евгения Онегина» наизусть, никто не задавал ученикам 9-го класса сочинения о польской графике. В общество «Арктика» вступили мальчики самых различных классов. Они прочитали много книг про Арктику, готовились и выступали с докладами, выступали газеты «В снегах Заполярья» и «Среди льдов и мрака ночи». Они переписывались с полярниками с острова Уединения. И когда начальники зимовки приехали в Москву, он побывал в школе.

Порой встречалась ученики, которые живут «от сих до сих пор», — что задано, только то и выучено. Скучно так учиться! Знания этих ребят можно измерить страницами учебника, а музыку, например, они знают только по урокам пения. Но ведь за каждым учеником стоят десятки интереснейших книг, каждый урок — это окно в новый мир.

Никто не упрекнул бы меня, если бы я выложил только то, что мне задали. Но мы, советские люди, привыкли стремиться вперёд и вперёд...

Так однажды сказал лауреат Сталинской премии, стахановец Василий Матросов. Он говорил о взрослых. Но и ребята стремятся вперёд. Это закон жизни в нашей стране. Пожалуй, самое важное, самое лучшее в 204-й школе — это стремление к глубоким и широким знаниям.

Вспоминается, как в прошлом году по вечерам здесь были лекции о русской и советской музыке. Зал был переполнен.

Вспоминается, как драмкружок выбирал мальчика, который будет играть роль Чапского. Один за другим выходили участники этого необычного конкурса на сцену и читали монолог Чапского. Члены драмкружка сурово обсуждали, кто из них лучше понял эпоху, характер Чапского, кто сможет глубоко и верно сыграть эту трудную роль. Стоит посмотреть на афиши, которые хранятся в пионерской комнате: «Вечер, посвящённый А. М. Горькому», «Вечер, посвящённый В. Маяковскому», — и вспомнятся многие интересные вечера.

Школа в своих стенах не может вместить всего, чем богат каждый наш город, не может притянуть всех лекторов, поставить у себя все фильмы — это ясно. Но она многое подсказывает ученикам.

Если на лекции в Политехническом музее вы увидите группу ребят, наверно, среди них окажутся и ученики 204-й школы. Они не пропускают интересных лекций!

Каждую субботу Вера Михайловна Валавина, преподавательница литературы, обсуждает со своими учениками, кто куда пойдёт завтра, что надо почитать предварительно, на что обратить

внимание. Воскресные прогулки по Москве вошли в обычай у мальчиков. И сколько нового узнали они о тех самых улицах, по которым раньше проходили равнодушно.

Какое вам дело?

— Какое тебе дело? Хватит, меня уже ругают дома.

— Никто не собирается тебя ругать. Я просто говорю: подойди к газете.

Володя увидел пять весёлых рисунков. Вот мальчик бежит, вот он догоняет, вот он вскакивает... А что это за жёлтая открытка?

«13-м отделением милиции вчера был задержан ученик вашей школы Владимир Рубановский за проезд на буфер троллейбуса...»

Волода растерялся: этого он не ожидал; он надеялся, что в школе не узнают, в крайнем случае ждал, что его вызовут классный руководитель, директор, и приготовился к этому. Но услышать, как ребята смеются у газеты, как читают вслух эту открытку, как в сотый раз задают коварный и насмешливый вопрос: «И долго ты там просидел?» — этого Володя не ожидал. Он думал сам рассказать ребятам о вчерашнем приключении, но, конечно, совсем в других тонах и красках. А тут его выставили на смех, и теперь все потешаются!

В шутках ребят не было сочувствия, как хотелось бы Володе. Нет, ребята его не уважали.

Человеку легче спасти наказание, даже очень суровое, чем испытать презрение или отчуждение своих товарищей. Порой дороже всякой похвалы одобрение, которое прочтёшь в глазах друзей. Такова сила общественного мнения.

В четвёртом классе этой школы был мальчик С., который очень плохо вёл себя. Но ребята не говорили ему об этом; наоборот, они поддерживали его проделки, рассказывали о них друг другу, и он чувствовал себя героем.

Но вдруг отношение к этому мальчику резко изменилось. Это началось со сбора, на котором пионеры решили просить совет дружины присвоить их отряду имя великого революционера Феликса Эдмундовича Дзержинского.

На трёх сборах ребята с увлечением читали книги, и «Железный Феликс» стал их любимым героем. Но совет дружины сказал, что сейчас отряд недостоин носить такое светлое имя. И, понурив головы, члены совета отряда ничего не смогли возразить.

Впервые они подумали про всю жизнь своего отряда, про все дела, про всех пионеров.

С этого дня и изменилось отношение ребят к С. Ребята поняли: нет ничего смешного в его проделках. Он плохо учится, мешает учиться

другим, дерзко отвечает учителям, дерётся. С. срывает работу отряда.

Сначала попробовали поговорить с ним по-дружески, он отвертывал трубу и ушёл насыщившись. Он продолжал хорохориться, и ребята всё больше отходили от него.

Страшно оставаться одному, чужим для всех ребят. С. это испытал. Он, привыкший командовать другими, теперь готов был дружить хоть с первоклассником.

Классный руководитель сказал на педагогическом совете:

— С. очень изменился за последнее время, изменился к лучшему. По-моему, на него подействовали пионеры.

Так решила дружина

Четыреста пионеров в школе. Четыреста мальчиков, которые сказали:

— Я буду достойным гражданином Советского Союза.

Подумайте, какая это большая сила, столько верных и смелых мальчиков!

Если бы они были разведчиками на фронте, то узнали бы многие тайны врага. Если бы им пришлось сесть на коней, это был бы целый эскадрон. Четыреста сабель блеснули бы в их руках. Если бы их взяли на корабль, четыреста бессстрашных матросов вступили бы на палубу.

Но Родина сказала: вы должны учиться в школе.

Нет ни коней, ни палубы, ни тёмных лесов, ни встреч с врагом. А есть школа — обычные классы, обычные парты, учебники и тетради. Покажите свою силу, пионеры!

Перед школой заброшенный пустырь. Его легко измерить шагами. Пядь земли! Но за такие кусочки земли бойцы шли на смерть, потому что это родная, советская земля. Почему же здесь, перед школой, она лежит заброшенная, грязная и беспризорная?

— Каждый должен посадить здесь хотя бы одно растение! — так решила дружина.

И перед школой возник сад. Нельзя сказать, что он «раскинулся». Он ещё очень молод. Многие деревья тут — ещё «попростки». Ма-

В прошлом году, приступая к занятиям по ботанике, преподавательница биологии Евгения Алексеевна Соколова возила учеников на юннатскую станцию, а теперь при школе есть свой участок. Ребята создали его из пустыря. Вот один из самых младших юннатов — второклассник Женя Хоронев.

Ленькая ёлочка, наверно, зимой доверху покроется снегом, вся её высота — сорок сантиметров. Но теперь перед школой уже не пустырь, а молодой зелёный сад.

Он вырастет, поднимется ещё не скоро. Многие ребята окончат школу прежде, чем ёлочка дотянется до окна. Но сад будет жить. Ребята посадили его для будущих учеников, для каждого, кто войдёт в школьный двор. Они посадили свой сад для Родины.

Однажды (это слова будет зимой) в школе сберутся прежние ученики. Придёт физик, Юрий Анатольевич Любимов, но Борис Иванович, конечно, назовёт его Юрий. Придёт Иванов, настоящую фамилию которого мы скроем до тех пор. С волнением, наверно, пройдёт он мимо тех комнат, где научился думать.

— А что теперь в слесарной мастерской? — спросит Чернов и спустится вниз к своему верстаку.

А вот и «нелюбимый» учитель. Сколько учеников подошло сейчас к нему!

«Вот здесь висела газета», — вспомнит Володя Рубановский. Два старых друга — Миша Гельман и Алиса Березин — сядут, конечно, рядом. Только теперь уже не за партой, а за большим столом. Все вы, наверно, придёте в школу, ребята, в этот вечер, и директор Леонид Александрович Дубинин скажет:

— Ну вот мы снова встретились! А высокая ёлка заглянет в окно. Ого, как выросли эти ребята!..

Путешествие в 1917 год

Со дня февральской революции прошло уже полгода, а разбойничья война всё ещё продолжалась. Временное правительство, которое на словах было за мир, на деле затягивало войну и даже пыталось организовать новое наступление, на котором настаивали английские и французские капиталисты.

Земля оставалась у помещиков, а когда крестьяне, потеряв терпение, начали сами делить помещичью землю, Временное правительство посыпало карательные отряды, которые расправлялись с крестьянами не хуже царских урядников.

Фабрики и заводы попрежнему принадлежали капиталистам. Положение рабочих нисколько не улучшилось. В ответ на их требования хозяева закрывали свои предприятия и выбрасывали беспокойных рабочих за ворота.

Всё больше рабочих, солдат и крестьян начинало понимать, что большевики правы. Временное правительство не выполнило ни одного из своих обещаний и только старалось укрепить власть капиталистов и помещиков.

3 июля в Петрограде рабочие, солдаты и матросы снова вышли на улицу, чтобы этой мирной демонстрацией выразить свой протест против политики Временного правительства. На знамёнах, которые несли безоружные рабочие, было написано: «Всё властъ Советам!»

Временное правительство поступило так же, как поступал когда-то царь. Оно расстреляло мирную демонстрацию.

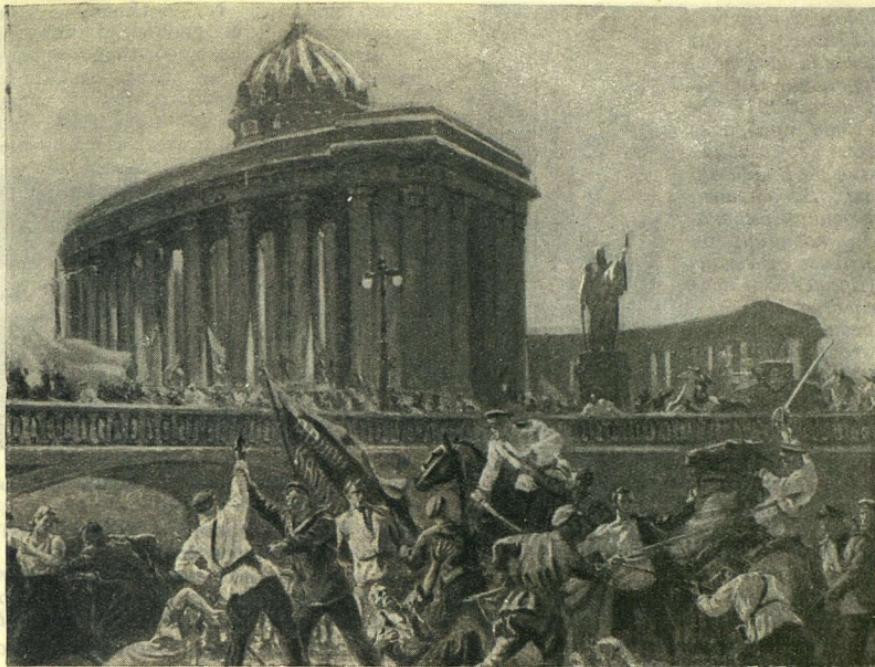
Ребята из ленинградского Дворца пионеров, изучающие историю Октября, побывали в том месте, где произошло это страшное событие. Вот что они пишут:

«Мы, ленинградские школьники, торопясь в свой Дворец пионеров, часто проходим мимо Публичной библиотеки, огромное здание которой находится на углу Невского проспекта и Садовой улицы.

Но не все из нас знали, что на этом месте тридцать лет назад пролилась кровь рабочих, вышедших на мирную демонстрацию. И когда мы услышали рассказ об этом и увидели фотографию, на которой изображён расстрел штольской демонстрации, мы с особенным волнением пришли на это историческое место.

Вот здесь проходили со своими знамёнаами наши отцы. Они не думали, что на чердаках и в подворотнях Временное правительство спрятало отряды юнкеров и бывших царских офицеров, ненавидящих народ. И вдруг неожиданно раздались выстрелы. Упал на мостовую молодой рабочий, нёсший своё заводское знамя, упала женщина с ребёнком на руках.

Так ответило Временное правительство народу. И каждый участник демонстрации убедился, что нельзя верить правительству капиталистов и помещиков».

Расстрел польской демонстрации.

О картине худ. П. Соколова-Скали.

Временное правительство перешло в открытую борьбу с революционным народом. Но капиталисты понимали, что они уже не могут ни обмануть, ни подавить народ, пока существует партия большевиков.

Поэтому сразу же после расстрела демонстрации Временное правительство закрыло «Правду» и разгромило редакцию газеты. Отряд юнкеров занял дворец Кшесинской и арестовал ряд крупнейших работников партии.

7 июля Временное правительство издало приказ об аресте товарища Ленина и суде над ним. Жизни нашего вождя угрожала страшная опасность. Капиталисты хотели убить его до суда, якобы при попытке к бегству. Командовавший тогда войсками Петроградского округа генерал Полovцов признался впоследствии, что сам намекал юнкерам, посыпая их арестовать Ленина: «Арестованные очень часто делают попытки к побегу».

Но товарищ Сталин разгадал намерение Временного правительства. Несмотря на все уговоры прорвавшихся в партию врагов, что Ленин должен сам явиться на суд. Центральный Комитет партии большевиков по настоянию товарища Сталина решил, что Владимир Ильич должен скрыться. Товарищ Сталин нашёл место, где вождь большевиков мог жить в безопасности, и сам проводил его в путь. Ленин скрылся на станции Разлив. Ребята из ленинградского Дворца пионеров побывали и там. Вот их письмо:

«Мы были там, где скрывался от врагов Владимир Ильич, и хотим рассказать ребятам о том, что мы видели».

На восточном берегу Сестрорецкого Разлива, недалеко от бывшей финской гра-

ницы, есть небольшая полянка. Она покрыта цветами и со всех сторон окружена густыми кустами. В центре полянки гранитный памятник. Его построили в честь товарища Ленина ленинградские рабочие.

А рядом с памятником Ильичу стоит маленький шалаши.

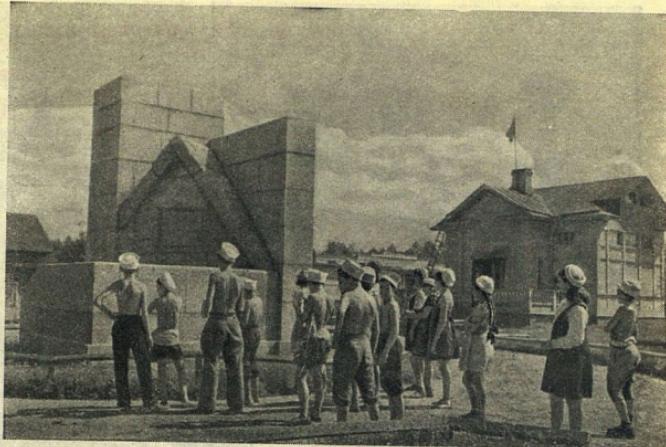
Тридцать лет назад, летом 1917 года, сюда пробрался пешком со станции Разлив Владимир Ильич. В шалаше, построенном рыбаками и косцами, он укрывался от сициков Временного правительства.

Когда смотришь на этот шалаши, невольно поражаешься: в каком убогом и простом жилище провёл несколько недель великий человек! Ведь этот шалаши не мог укрыть Ленина даже от непогоды. А Ильич писал здесь свою знаменитую книгу — «Государство и революция».

С этой полянки товарищ Ленин слал питерским рабочим свои пламенные призывы готовиться к вооружённому восстанию. В этом шалаши он встречался со своими боевыми товарищами: Сталиным, Свердловым, Молотовым, Орджоникидзе. Этот скромный шалаши на берегу Разлива стал центром, откуда Ленин через това-

Ленинградские пионеры и школьники в Разливе.

Фото А. Чепрулова.

рища Сталина руководил подготовкой к октябрьскому перевороту.

С огромным волнением мы стояли перед шалашом, представляя себе живого Ильича. Вот по этим тропинкам он ходил, погруженный в думы, здесь, у пенька, сидел с книгой, здесь, на лужайке, сам косил траву, помогая крестьянам. Всё здесь дышит Лениным и хранит память о нём».

Партия большевиков была вынуждена снова скрываться в подполье. Но она не прекратила своей деятельности. Наоборот, большевики с новой энергией и силой продолжали говорить народу правду о задачах революции, укрепляли партийные организации, готовились к близким боям за власть. Иго царя было свергнуто, теперь надо было навсегда сбросить иго капиталистов и помещиков.

26 июля 1917 года в Петрограде открылся VI съезд партии большевиков. Этот съезд снова происходил тайно — сначала в одном из зданий на Выборгской стороне, а потом в помещении школы у Нарвских ворот, где сейчас построен Дом культуры имени Горького. Сицики Временного правительства сбились с ног, чтобы пробраться на заседание съезда, но так и не сумели его найти.

Ленин не мог быть на съезде. Преследуемый ищейками Временного правительства, он вынужден был скрываться. Но он руководил работой съезда через своих соратников и учеников — Сталина, Свердлова, Молотова и Орджоникидзе.

«Дорогие ребята! В Музее революции я видела картину художника Любимова, на которой изображён VI съезд партии большевиков. В небольшой комнате тесно сидят представители большевистских орга-

низаций — рабочие, солдаты, матросы. В клубах табачного дыма видны знакомые лица людей, которых сейчас знает каждый пионер, — вот молодой Ворошилов, Молотов в студенческой косоворотке, Орджоники-

кидзе, Свердлов. А у стола такая знакомая и родная фигура товарища Сталина, обращающегося к делегатам.

На этом съезде не было Владимира Ильича. Товарищ Сталину партия поручила важнейшие доклады — отчёт Центрального Комитета и доклад о политическом положении.

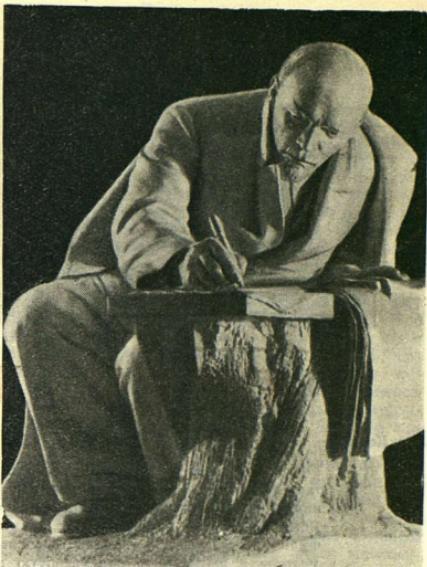
«Мирный период революции кончился, — сказал товарищ Сталин, — наступил период не-мирный, период схваток и взрывов...»

Верный указаниям Ленина, товарищ Сталин поставил перед партией новую задачу — готовить рабочих и солдат к вооружённому восстанию против власти капиталистов.

Мне как будущей комсомолке особенно интересно было услышать от руководителя экскурсий, что на VI съезде партии большевиков впервые обсуждался вопрос о юношеском движении. Съезд обязал все партийные организации поддерживать социалистические союзы рабочей молодёжи, из которых впоследствии возникли первые ячейки комсомола.

Юля Беликова

(6-й класс, 208-я школа).

Ленин в Разливе.

Скульптура Пинчука.

С первых же дней революции партия большевиков предвидела, что буржуазия никогда добровольно не откажется от власти и что трудящимся придется бороться за социализм с оружием в руках. Перед партией стояла задача — вооружить как можно больше рабочих и научить их владеть оружием.

На фабриках и заводах большевики сколачивали отряды революционных рабочих. Всюду находились бывалые участники баррикадных боёв или вернувшиеся из окопов фронтовики, и они обучали товарищескому делу. Партия обязала всех членов заводских партийных ячеек вступать в эти отряды.

Отряды вооружённых рабочих-добровольцев назывались Красной гвардией. После Октябрьской революции отряды красногвардейцев влились в части молодой Красной Армии.

«Мы, группа московских пионеров, ходили с экскурсией в Музей революции и осматривали там зал, посвящённый образованию Красной гвардии. Мы видели там в одной из витрин значок, который носили первые красногвардейцы. На этом значке изображён рабочий с красным знаменем в руках, а внизу — перекрестьенные винтовка и сабля.

В музее есть фотографии, на которых показано обучение красногвардейцев. Рабочие на них одеты все по-разному и вооружены кто чем. У одних — винтовки,

у других — охотничье ружьё, револьверы, сабли, шашки...

У этих первых красногвардейцев не было такого отличного оружия и обмундирования, как у нынешних воинов Советской Армии, но всё же это тоже были непобедимые бойцы. Они были беззатратно преданны революции и партии большевиков и отважно боролись с врагами».

Валя Фалькович
(6-й класс, 69-я школа).

Нюра Элентух
(5-й класс, 69-я школа).

СВЕТ МОСКВЫ

Лев Кассиль

Глазы из повести

Рис. В. Цельмера

За полгода до начала Великой Отечественной войны в «Пионере» была напечатана моя повесть «Великое противостояние». В ней рассказывалось о московской школьнице Симе Крупиной, которая снималась в роли юной партизанки войны 1812 года Усти Бирюковой в кинокартине знаменитого советского режиссёра А. Д. Расченея. Фильм рассказывал о гневе и героизме нашего народа, грудью вставшего на защиту Родины и выгнавшего вон разбитую им армию Наполеона. Сима очень привязалась к Расченею, который сделалась ей любимым старшим другом. Расченей сумел привить своей воспитаннице первое понимание цели жизни, правильное отношение к отдельным удачам и трудностям. Он любил приводить пример из астрономии: раз в 15—16 лет планета Марс подходит к точке наибольшего сближения с нашей Землёй. Именно в эти перводни учёные стремятся уточнить свои сведения о Марсе и сделать новые шаги в распознаванию этой планеты. Расченей говорил, что, конечно, не с такой регулярностью, но бывают и в судьбе отдельных людей и в жизни народов такие «великие противостояния» — решающие моменты, когда направляются до предела все душевые силы, зреет знание жизни и в ней открываются большие истины.

Сам Расченей умер, отдав свой пламенное сердце и всю свою жизнь, любимому искусству и нашей Родине. Встреча и работа с ним были «великим противостоянием» для Сими. Она тяжело переживала смерть старшего друга. Встреча с туркменским мальчиком Амедом, с которым у неё сразу началась дружба, заставила Симу снова поверить, что вся жизнь у неё ещё впереди. Встречей этой в день великого противостояния Марса, 23 июля 1939 года, закончилась моя повесть.

Я не собирался писать продолжение своей книги. Но когда началась война, я стал получать множество писем: писали школьники, писали взрослые. Много писем приходило с фронтов. Читатели требовали, чтобы я рассказал, что было дальше с моей Симой, как встретила она «великое противостояние» в жизни нашего народа.

С 1943 года я стал писать продолжение своей повести. Теперь работа над второй частью — «Свет Москвы» — закончена. Я надеюсь, что Сима встретит среди вас своих старых друзей и приобретёт новых.

АВТОР

КАНУН ЛЕТНЕГО СОЛНЦЕСТОЯНИЯ

Не знаю, как там у них на Марсе, но на Земле у нас жизнь была в этот вечер чудо как хороша! Трубили горны, били барабаны в подмосковных лесах. Из походов возвращались в лагеря пионеры. И с голоса их учился новым песням переливчивое эхо.

По загородному проспекту на зелёной ламбе канала катили из Москвы резные грузовички. Гремели на них детские цинковые ванны. Вразнобой подпрыгивали перекутыннутые стулья. Трёхколёсные велосипеды барахтались, безнадёжно запутавшись в гамаках. Стояли ехали полосатые матрасы — все ёрзали и громыхали, проносясь через

переезды под покровительством полосатых же шлагбаумов...

Люди ехали на дачу. Был субботний вечер.

Завтра по календарю начиналось лето.

Отправилась и я в поход со своими пионерами.

Мы плыли на лодке по светлой покойной воде. Прошли вдлажке, возвращаясь в Москву из дневного рейса с Волги, белые теплоходы. На берегу, за лесом, играли в лагерях вечерним зори. Солнце село за дальние луга незамутнённым, обещая завтра хороший день. И радостно было знать, что утром, чуточку снова взойдёт оно, нам наконец откроются некоторые весёлые

тайны — те, что мы загадали для себя именно на этот день почти год назад. Но у меня самой были к тому же особые основания считать сегодня жизнь прекрасной и ожидала, что завтра она будет ещё лучше...

Утром я получила телеграмму от Амеда. Он дал её уже с дороги. Ясно и уже не раз представляла я себе, как он легко соскочил с подножки вагона, когда поезд ёщё не остановился, пробежал, всех обогнав, по перрону, ловкий, смуглолицый, привставая на носки, вскидывая из под длинных косых бровей блестящие глаза, ища вывеску «Телеграф». А потом, закусив тонкую пубу, старательно выводил автоматической ручкой, которой так гордился: «Встречай воскресенье проведём вместе день противостояния самый большой день в году». «Эте, джигиты, видно, стали разбираться в звёздах», — подумала я. Мои астрономические увлечения захватили и Амеда, хотя пока ёщё он явно путал противостояния планет и солнцестояния, которое наступало завтра.

Почти два года прошло с того дня, как мы встретились с ним на пароходе «Чичерин» в Каспийском море. Это было как раз в день великого противостояния Марса. И долго мы с Амедом смотрели в тот вечер с борта корабля на круглую, ярко-красную, словно смородинка, звезду, низко плавящую над горизонтом малахитовым горизонтом Каспия. Я рассказала ему тогда о Расцелепе, дружбе с ним, о звёздах, и когда наступила ночь, долго видела моего нового знакомого по звёздным дорожкам вселенной. Зато потом, в Туркмении, Амед стал моим верным проводником в пропулках по незнайкой и очень интересной земле. Мы крепко подружились в то лето. И брат мой Георгий брал нас с собой в далёкие поездки по пескам, где он разведывал будущие пути воды. Жарко было там и пронзительно сухо. Всё вокруг жаждало воды, всё молило о влаге: и сухая, потрескавшаяся земля, и пески, горячие, как зола, и испепеленные листья — всё шелестело: «Су!.. Су!..» А «су» по-туркменски — это вода. И брат Георгий рассказывал о том, как через чёрные пески Кара-Кумов побежит свежая вода, когда построят канал, которым соединят Мурхаб с Аму-Дарьей и Теджен с Мурхабом. Мы ездили верхом. Амед научил меня правильно держаться на лошади.

Старики уважали моего брата Георгия и говорили, что сам Сталин велел ему привезти воду в пустыню.

Отца Амеда уже давно не было в живых. Его много лет назад убили богатые байкалы, пытавшиеся восстать против советской власти.

Мать Амеда, Огульсултан, высокая, тонкобровая, как сын, хорошо знала Георгия, работала в совхозе и была членом горсовета.

Мы очень хорошо дружили с Амедом. А когда кончилось лето и надо было вернуться в Москву, в школу, мне было жалко расставаться с Амедом, хотя меня и очень тянуло уже домой. Но мы обещали писать друг другу и сохранить дружбу навсегда, навсегда.

Без малого два года прошло с тех пор. И мы не виделись. Я не смогла поехать на

другое лето в Туркмению, потому что меня приняли в комсомол, я стала вожатой юных пионеров и жила в лагере под Москвой. Амед тоже не приезжал. Но мы с ним аккуратно переписывались. Сперва мы обменивались письмами редко, посыпали их через определённые сроки и строго следили за очередью, а потом стали писать всё чаще и чаще, не считаясь друг с другом, писали, когда хочется, писали обо всём — о каждой новой прочитанной книжке, об интересной кинофильме. Я начинала оторваться, если письмо от Амеда задерживалось почему-нибудь на несколько дней и не приходило тогда, когда я его ждала.

Писал он подробно, очень вежливо. И было что-то не совсем привычное в чуточку неуклюжей изысканности его писем. Это тоже мне нравилось. Ромка Каштан не смог бы так писать... И подруги мои знали, что у меня есть где-то далеко друг-джигит, который шлёт мне письма. Очень хотелось иногда показать моим любопытным подругам какое-нибудь письмо Амеда. Но мне казалось, что этим бы я нарушила обет взаимного доверия. Я уже знала всех друзей Амеда, была в курсе всех его дел и даже волновалась, когда заболел любимый жеребёнок Амеда, ахалтекинец Дюльдяль; о нём Амед писал в каждом письме с такой восторженной нежностью, что меня почему-то порой это уже начинало чуточку злить... Тогда я ему нарочно описывала, как мы ходили в кино вдвоём с Ромой Каштаном и как смешно Рома сказал про одного киноартиста, что он чересчур много хлопочет физиономией, а про нашего историка в школе, — что он даже бутерброда есть исторические: бородинский хлеб с полтавской колбасой... Но на Амеда это не действовало, и в следующем письме он писал:

«Пожалуйста, передай привет моего сердца твоим добрым друзьям и мудрому красноречивому товарищу Р. Каштану. Мой Дюльдяль стал такой крепкий, что сегодня совсем оборвал привязь. Он стал очень красивый... Я считаю, что лучше такого коня у нас в Туркмении нет».

И вот завтра Амед приедет. Какой он стал? Может быть, совсем не такой, как я напридумала себе? Ему уже темперь семнадцать с лишним лет, он на полтора года старше меня. Интересно, как мы с ним встретимся завтра? В последнем письме он напекал, что давно хочет спросить меня о чём-то очень важном, но откладывает это до встречи. Только бы успеть вернуться в Москву вовремя. Но я всё рассчитала. В справочной я узнала, что поезд, на котором ехал Амед, приедет в Москву завтра днём, в четыре часа десять минут. Значит, мы вполне успеем вернуться домой. И не отменять же было похода, когда мои пионеры ждали этого дня с таким нетерпением!

Вот они плынут со мной, мои забияки-зодиаки, как дразнили их в нашем отряде. Впереди, на самом носу лодки, устроился, конечно, Игорь Малинин. Он первым забрался туда и теперь лежит на спине, нога на ногу, закинув голову над водой и морща короткий нос, не двигая пушистыми ресницами, глядит серыми глазицами своими

в небо, залитое сиреневыми красками вечерней зари.

Я знаю, хотя Игорёк, как зовут его у нас, плавает с нами на старой рыбачьей шлюпке, взятой на день в соседней деревне, сам он сейчас далеко от нас. Что бы он ни делал, каждое занятие имеет для него ещё второй смысл, какое-то значение, не всегда нам понятное, но делающее для него всё по-своему интересным.

Однажды я шла за ним по улице, а он не видел меня: чего только он не успел вообразить себе, пока прошёл два квартала! То он двигался, расправив руки, как крылья, тихонько жужжа под нос, и, очевидно, воображал себя самолётом; то размахивал руками, запребая шоочерёдно левой и правой, видя себя с веслом байдарки. Заметив лужу далеко в стороне от его пути, свернула к ней, разбежался, перепрыгнул. Потом вдруг нарочно захромал и, найдя палку, зажал её под коленом скорченной ноги, прихватив конец ступней, ковыляя, как на деревяжке... Затем отбросил палку, балансируя руками, шёл по краю тротуара, по узенькой каменной кромке, как канатоходец. Когда надо было пересекать улицу, мощёную брускаткой, он перешёл её ходом шахматного коня: два камня — прямо, один — наискосок...

Нелегко мне дался в нашем пионерском отряде этот Игорёк. Сперва с ним сладу не было... Порывистый, живой, готовый каждую секунду всхлынуть, взорваться, он долго не хотел признавать моего авторитета. В лагере, где я в прошлом году в первый раз стала работать вожатой, у меня было немало хлопот с ним. Но мне он пришёлся по душе своим жаждым, неуёмным интересом ко всему на свете. Он жаждал деятельности и приключений. Всё он хотел знать, всё его касалось. Фантазия у него была необыкновенная и упрямая. Что-нибудь вообразив себе, он уже сам верил в придуманное. И, может быть, именно то, что я с верой относилась к его мечтам, привело ко мне Игоря. Мальчуган почтывал во мне родственную душу мечтательницы.

С другими было легче. Девочки сразу привязались ко мне, узнав, что я снималась в кино, а мальчики были потрясены моими астрономическими познаниями. А маленький телескоп, который завещал мне покойный Расщепел, окончательно решил дело в мою пользу. Ребята из лагеря жили с нами по соседству в новых домах Гидротреста. И учились почти все они в нашей школе. Поэтому с осени прошлого года по предложению наших комсомольцев я стала вожатой отряда в четвёртом «А» классе. Отряд у меня был дружный, деятельный, но основным ядром его была моя лагерная шестёрка. Все они занимались в астрономическом кружке районного Дома пионеров. За это их и прозвали шутя «зодиаками». А уж мы сами наделили членов нашего кружка шуточными прозвищами. Игоря Малинича прозвали за его порывистость, упрямство и болливый характер, сочетавшийся с нежной привязчивостью, Козерогом. Курчавого лобатого Изю Крук, братишку моей подруги Сони Крук,

окрестили Тельцом, Медлительного многословного Дёму Стрижакова прозвали Водолеем, а схидный, всегда во всём сомневающийся Витя Минин — скиснавшим прозвищем Скорпиона. Были ещё у нас Весы — две неразлучные подружки: Гали Урванцева и Люда Сокольская. Они ходили всегда вместе под руку или обнявшись, заплетали в свои косички ленты одинакового цвета, но очи разновидали меня друг к другу и на прогулках повисали на мне с двух сторон, старательно обеими руками держа меня под руку и локтями отбивая всех других, покушавшихся на поётное место возле вожатой.

Они и тут сидели возле меня — слева и справа — на задней банке нашей лодки, тесно прижавшись к моим плечам, и мешали мне проплывать. Грёб Дёма Стрижаков.

Лодка наша тихо скользила по гладкой вечерней воде. Тёмные сумерки спустились на водохранилище. Было так хорошо и привольно, такая задумчивая тишина объяла весь этот душистый, зелёный простор берегов и замершую воду, что не хотелось говорить, и все мы молчали, только чуть съязнико поспирчевали укаючины вёсел да барабали своё «ти-тир-илю-лю» струйки подле бортов шлюпки.

НАШИ ГОРОСКОПЫ

Мы плыли на наш заповедный островок. Ещё год назад мы говорились, что придём сюда встретить день летнего солнцестояния — начало лета.

Экзамены уже прошли. Часть ребят разъехалась, а мы должны были попасть в лагерь во вторую смену, и я продолжала встречаться со своими пионерами. Мы давно уже готовились к сегодняшнему походу. Родители сперва не очень соглашались пустить своих ребят в эту экскурсию без взрослых, только со мной одной. Но в конце-концов я, как никак, была всё-таки вожатой и перешла сейчас уже в девятый класс. В школе авторитет у меня был большой. И родители отпустили ребят. Правда, пришлось скрыть от них, что мы отправимся на островок. Сказано было, что мы поедем поездом до Борок, а там пройдём через Кореваново пешком до водохранилища и на берегу его разобьём палатку, где и заочуем. А утром встретим восход солнца, отпразднуем летнее солнцестояние и в обед вернёмся с поездом домой. В Доме пионеров нам дали для этого разборную палатку и всё необходимое хозяйство для похода. Взяли мы, конечно, и мой маленький телескоп.

Всё остальное оставалось втайне. Никто, кроме нас, не знал, что скрывалось на маленьком, никому не известном островке, далеко в стороне от фарватера, по которому через водохранилище шли пароходы канала Москва — Волга... Но мы помнили, что там, на островке, хранятся надёжно упрятанные в маленькой шахтёлопре наше гороскопы.

С тех пор как Москва стала городом большой воды и волжские пароходы слали свои голоса с шумом столицы, возле самого города разились просторные озёра с ведущей к ним зеркальной афишиадой белокаменных шлюзов. Образовались заманчивые уголки,

— Сима, вот ты про Марс много знаешь. Как же всё-таки считается, есть там жизнь?

чудесные таинственные заводи, протоки, бухты, полузатопленные островки. Мало кто знал, как следует прелесть многоводного Подмосковья. Но Расщепей давно уже облюбовал эти места. И когда мы вместе с ним совершили наше памятное путешествие, Александр Дмитриевич привёл меня на своей яхте «Фламарион» к одному из таких островков на водохранилище. Этот островок мы выбрали с моими пионерами для наших летних походов.

Было уже довольно темно, когда наша лодка, раздвигая кустарник, скрипя днищем о затопленные ветви, вылезла носом на берег острова.

Наверное, когда-то, до наполнения водохранилища, место это было вершиной пологого холма. Через него вела проезжая дорога. Её колеи ещё виднелись в траве, и странно было видеть, что дорога уходит прямо в воду, в глубину, словно маня спуститься по ней в какое-то донное царство. Прежде здесь стояли избы, на земле сохранились следы жилья. И вот в одном из заросших бурьяном дворов мы в прошлом году нашли полуобрушившийся выложенный кирпичами погреб. На дне его мы и спрятали наши гороскопы.

Гороскопы эти придумал, конечно, Игорёк. Как-то в отряде зашёл разговор о различии между древней ложной наукой — халдейской астрологией — и сегодняшней, строго научной астрономией. Ребята сперва долго потешались над тем, что древние астрологи, халдеи, звездочёты определяли судьбу человека по звёздам. Звезда, под которой родился человек, определяла его путь в жизни. И астрологи наперёд составляли человеку по небесным знакам его будущую биографию — гороскоп. Всем пионерам это показалось очень забавным, особенно когда я вспомнила, как в 1514 году астрологи, установив, что Юпитер, Сатурн и Марс окажутся в созвездии Рыб, посыпали миру неслыханное наводнение. И президент Ориаль в Ту-

лузе, испуганный этим предсказанием, построил огромный ковчег на случай потопа...

А потом вдруг Игорёк Малинин предложил:

— Ребята, знаете что? У меня мысль. Нет, серьёзно, давайте сами себе составим на год гороскоп! Да нет, постойте! Не в том дело, что по звёздам. А просто напишем такие загадалки — сами себе, — что мы должны сделать за год. Но только никто никому своей не покажет. Напишем и заклеим. И где-нибудь спрячем. Вот у нас и будут свои гороскопы. А через год достанем, раскроем и посмотрим тогда, у кого что сбылось.

— Не сбылось, — наставительно сказал Витя Минаев. — При чём тут «сбылось»? Важно, чтобы каждый сам выполнил, что себе обещал.

Поднялись шум, крик, споры. Одни говорили, что это глупости, пустяковая затея и даже суеверие... Другие, наоборот, кричали, что сделать так непременно надо, это будет всем полезно. И я подумала тогда, что Расщепей, вероятно, одобрил бы такую затею (я всегда в трудных случаях мысленно провевала себя, как бы поступил при подобных обстоятельствах Расщепей). Да, он одобрил бы...

Пусть же каждый из наших пионеров задумается хорошенько над тем, чего ему не хватает, что он хотел бы успеть за год сделать, что приобрести, от чего избавиться. И пускай он запишет это для себя, никому не показывая. Так будет интереснее! И мы спрячем эти гороскопы, загадалки, как хорошо назвал их Игорёк. Никакая это не звёздная магия. Мы и так все знаем, что родились под счастливой звездой. И у нас стоит только задумать что-то хорошее, по-настоящему захотеть сделать это, настойчиво добиваться — и всё тогда сбудется.

И вот, когда мы вернулись прошлой осенью из лагеря, мы сделали так, как задумали. В воскресенье мы отправились на остров, взяли лодку в деревне у одного бакенщика. У каждого из моих пионеров был

заклеенный конвертик. В нём был припрятан его личный, самим им для себя составленный гороскоп на год. Потом мы сложили все конверты вместе, и Игорёк торжественно произнёс за всех:

— Обещаю, что я и все мы, пионеры нашего отряда, выполним всё, что здесь задумано. За это мы отвечаем перед своей совестью и нашими товарищами. А если кто не выполнит, то пусть тот через год уничтожит свой план.

Да, пусть каждый отвечает перед своей собственной совестью, и в этом его проверяет потом товарищ.

И я подумала, что неплохо будет, если мои пионеры сами предскажут себе, что должно произойти с ними за год, сами ответят перед своей совестью. И пусть их никто не понуждает. Это — дело каждого. Но интересно будет через год сличить, что было задумано, с тем, что выполнено. А кто не спрятался с собой, пусть теперь уже при всех признается, что сплоховал, оказался недостойным нашей звезды.

И вот целый год пролежали замурованными в заброшенном погребе на маленьком островке, среди просторного водохранилища наши гороскопы-загадалки. Мы решили, что вскроем их в самый большой день года, день летнего солнцестояния. Ребята у меня были опытные по части походов, мы быстро разбили палатку, установили подпорки, укрепили стойки, натянули верёвки, привязав их к колышкам, вбитым в землю. Вскоре запылья костёр, закипел подвешенный над ним чайник. Мы сварили в котелке картошку, открыли консервы, сели в кружок у входа в палатку.

А на водохранилище и вдали на канале уже зажглись ночные огни. Горели огни на спиралах ходового фарватера, на шлюзах. Но всё это было далеко от нас. А мы здесь были одни, окружённые огромной доброй и смиренной водой. Вечер был тёплый. На западе небо розовело, словно ещё не остынув, а на другой стороне горизонта, ближе к югу, подрагивало нежное, серебристое зарево — там была Москва. И свет её, перламутровый, вздрагивающий, трепетал в высоком спокойном небе. Звёзды растворялись в далёком сиянии Москвы. Только над горизонтом жгла свой зелёный бенгальский огонь Венера, похожая на большого светляка, да ровным алым накалом горел низко стоявший Марс. И на канале светились тоже зелёные и красные огоньки бакенов, подыгивая в воде мерцающими усиками отражений.

Мы разгородили внутри палатку на две части. В одной половине устроились девочки со мной, в другой — мальчики. Они поочереди несли дежурство у входа в палатку, сторожа наш маленький лагерь.

Скоро все заснули.

Ночью я проснулась. Душистая сырость проникла в палатку. Где-то кричал коростель. На канале густо загудел пароход. А кругом была такая дивная тишина... Я встала и выплынула за отсыревший полог. У входа в палатку никого не было.

— Кто дежурит? — спросила я юшпотом. Никто мне не ответил. Я повторила вопрос громче. Опять молчание. Я вышла из па-

— Ну как, Сима, нашли? — кричали сверху.

лапки. Дежурного не было. Тогда я заглянула в половину мальчиков. Накрывавшись пальто и одеялами, спали рядом Дёма Стрижаков, Илья Крук и Витя Минаев. Игорька не было. Очевидно, был час его дежурства.

— Малинин! Игорёк! — позвала я, выйдя из палатки.

Кусты зашуршали, показался Игорь.

— Ты почему не на месте? — строго спросила я.

— Я только на минутку, Симочка, — проговорил он быстро, словно запыхавшись. — Я к берегу бегал. Тут ещё ланьшицы скользят... Мне показалось там кто-то шебуршится...

— Сам ты любишь шебуршиться, Игорь, — заметила я. — Небось, к погребу бегал... Ладно. Иди спать, я за тебя подежурю.

— Ну уж это нет, брось, оставь, — запротестовал он. — Мне ещё целый час дежурить. Ты ложись, не беспокойся. Меня Витяка сменит. Уж я его дубужусь. Можешь быть уверена.

Я уже была в палатке, когда опять услышала шшшот Игоря:

— Сима! Тебе очень спать хочется?

— А что? — я высунулась из-за входного полога.

— Давай с тобой поговорим о серьёзных вещах.

— Например?

— Ну мало ли про что?.. Вообще, так. Про разную жизнь... Как прошлым летом в лагере говорили. Помнишь?

Я помнила эти неизбежные ночные беседы «о серьёзных вещах», как выражался Игорь. Хотя разговоры после отбоя и были явным нарушением лагерного режима, но зато именно они помогли мне укротить самого

бесконечного из моих пионеров и заглянуть в его пыльную и своеволивую душу. И я покорно присел на пеньку у палатки.

— Ну что ж, поговорим, Игорёк, о серьёзных вещах!

— Знаешь, Сима, — сразу начал Игорь, — я когда ночью долго гляжу на звёзды, мне всегда охота забраться туда, куданибудь в самую-самую дальнюю вышину и всё там разглядеть и узнать до точности. Так и тянет... — он вздохнул и, запрокинув голову далеко назад, долго и завороженно глядел в зенит.

И звёзды над нами ласково жмурились, подмигивали сперху мальчишке, словно подбадривали, мания: «Ну, ну, звездочёт! Карабкайся».

— Сима, вот ты про Марс много знаешь. Как же всё-таки считается, есть там жизнь?

— Возможно, что есть, Игорёк. Правда, насчит хлорофилла, что я тот раз говорила, сейчас опять не подтверждается.

— Жаль, — вздохнул Игорёк, — не ходи глаз с неба, — а я лично всё-таки считаю, есть ещё где-нибудь жизнь. Верно, Сима!.. Только я рад, что сам я на Земле родился. Это определённо мне повезло. У нас всё-таки уже хорошо жить. А как там, ещё неизвестно. Прилетишь туда, а там, может быть, ещё какой-нибудь каменный век только. Кто знает? И был бы я пещерный житель...

— Ну, пещерный житель, хватит тебе философствовать. Спать пора.

— Нет, погоди!.. Ты слушай, Сима. У нас почему хорошо? Доисторическое всё уже было? Было. Древние, там, всякие века тоже прошли; старый режим уже давно кончился... Правда, не везде ещё на всей Земле, но зато у нас в СССР! Значит, всё-таки на Земле уже люди своего добрались, раз такая уже есть страна, как мы! Верно? А там, на Марсе, может, всё ещё только начинается. Жителям сколько ещё веков мучиться!

Я прервала гордого жителя Земли, сказав, что есть теория, считающая, будто жизнь на Марсе возникла намного раньше, чем у нас.

— Эх, ты! — посочувствовал марсианам Игорь. — Вот уж не хотел бы я в школе у них учиться. Сколько им топла по истории учить! Древние века, потом средние, потом ещё какие-нибудь полусредние, новые, да самые новые, да новейшие, предпоследние, последние — голова лопнет!

— Смотри, чтоб у тебя оточных фантазий твоих голова не лопнула, — сказала я, вставая с пеньки. — Поговорим-и будем!

— Ну, иди, ладно, доспыхай. Эх, скорей бы уже завтра стало. Интересно, что там у кого в загадках написано и у кого что исполнилось... Не терпится мне узнать...

Игорь зевнул, засунул руки в рукава пальтишка и замолк.

А над водохранилищем, над молчаливой, стеклянной водой медленно поворачивалось звёздное небо. Заря на западе погасла, а на востоке уже проступали блеклорозовые оттенки новой зари. Ночной немеркнувший свет Москвы одним своим краем уже слился с ней.

Я вернулась в палатку, закуталась потеплее в одеяло. Девчонки мои сейчас же, даже

не просыпаясь, слева и справа подкатились ко мне, крепко ухватили мои руки, зябко побежали, зарылись головами — одна мне в плечо, другая — в шею, повизгивая шолотком:

— Ой, Симочка, хорошо как... Уютно! Уй-уй-уй-уй-уй-уй...

И правда было хорошо! Так хорошо, что запомнилось потом на всю жизнь.

И никто из нас семерых не подозревал, что загадочные беды начнутся уже наутро, а вместе с завтрашней ночью в нашу жизнь войдёт нечто чудовищно огромное и злое.

ТАЙНИК

День начинался чудесно. Запел, затрубил, заиграл наш пионерский горн, промко, настойчиво и раскатисто. Недаром наш Игорёк сыграл отличным горнистом. Он дул в свою трубу что есть силы, щёки пригнули у него, как литые мячики. Он трубил, закинув голову, подняв прямо вверх свой горн, и, когда переводила на минутку дух, казалось, будто заливом пил из пионерского рога утреннюю свежесть и пахучий лесной воздух. Птицы всполошились на верхушках деревьев, уже освещённых солнцем, и стали кружиться над островком. Пионеры мои выскочили из палатки, жмуриясь, протирая глаза, разминаясь. Началась возня: «Люда, где мои тапочки?..», «Дёма, отдай рубашку, не в свою лезьши!..», «Девочки, мыться, мыться!..», «Осторожнее, зубной порошок рассыпался!..», «Ребята, айда, искучаемся!..», «Игорь, хватай тебе трубу!..», «Кто мой галстук взял?..»

В весёлом переполохе начинался день, самый большой день в году. Было ещё свежо. Под деревьями ещё не рассеялся влажный сумрак, но с верхушек уже сползла по листве золотисто-розовая с бронзовым отливом глазурь. Небо на востоке пламенело. И иссиня-зелёный горизонт набухал по краю отчёма, еле сдерживая его.

— Приготовиться к встрече! — скомандовал я.

Шестёрка моих — все в белых рубашках с алыми галстуками — выстроилась на лужайке, лицом к восходу. Наш барабанщик Изя поднял палочки. Игорёк стоял, как положено горнисту, отставив руку, уперев раструб горна в бедро. Дёма замер со свёрнутым флагом у невысокого шеста, заменившего лагерную мачту.

— Проверить часы, — приказала я. Дёма взглянул на ручные часы, которые ему одолжил на этот случай Витя Минав.

— Три часа двенадцать минут по московскому времени, — отвечал Дёма голосом промкого говорителя.

Как я вчера сверилась в календаре, солнце сегодня должно было взойти в три часа четырнадцать минут. Я выждала ещё минуту и скомандовала:

— На подъём флага и солнца — смирино!

За водохранилищем в этот самый миг горизонт прорвался посредине, как запруда, слепящее золото ожгло глаза — и всё вокруг нас вдруг засверкало, ожило, заполнилось радостным и властным светом.

— Флаг поднять! Солнцу салют!

И красный пионерский флаг нашего маленького лагеря поднялся вверх вместе с солнцем. Игорь прорубил салют, зарокотал барабан Изи Крука.

— Пионеры! Поздравляю вас с наступлением дня летнего солнцестояния, с началом лета, Вольно!..

Конечно, ребятам не терпелось скорее спуститься в погреб и вскрыть наш тайник, чтобы прочесть гороскопы. Интересно, кто что загадал и как выполнил задуманное. Но я распорядилась сперва приготовить завтрак. Ели наспех, давились крутыми яйцами. Игорь так торопился, что решил не очищать скорлупу, высыпал из неё мякоть белка. Ещё не прожевав, с набитым ртом, он вскочил, бормоча:

— Фуо!.. Бя ботоф!.. Башви скобее...

Это, вероятно, должно было означать: «Всё! Я готов, пошли скорее!» Он поперхнулся, закашлялся, и дёма долго колотил его по спине.

Но вот завтрак был кончен, и мы бегом направились в глубь островка к нашему тайнику. Погребок совсем зарос, но мы сразу отыскали его и склонились над полуобвалившимся люком. Дёма и Витя быстро разобрали подгнившие доски, прикрывавшие отверстие погреба. Оттуда доносило таинственный запах. Каждый хотел полезть туда первым, Игорь побовался и толкался больше всех. Девчонки прижимались ко мне, замыкали от предвкушения. Ведь сейчас все мы узнаем, что было загадано каждым на год, и проверим, что у кого исполнилось...

Надо было спрыгнуть вниз, разобрать несколько кирпичей в каменной кладке, где была замурована старая жестяная ботаническая коробка, служившая хранилищем наших гороскопов. Витя спустился вниз, держа в руке стамеску. Все спрятались над ямой, заглядывая вниз.

— Вы мне весь свет загородили! — раздались снизу глухой голос Вити, показавшийся незнакомым.

Я еле уговорила ребят отойти от люка. И они стояли вокруг ямы, немного отступая, вытягивая шеи, чтобы заглянуть в погребок. Прошла минута, вторая. Я уже сама начала беспокоиться.

— Витя, ну скоро ты там?

— Скорпион, а роется два часа, — сказала Люда.

— Ну давай, что ли, Витяка, — торопили ребята.

И вдруг из-под земли раздался глухой, мрачный голос:

— А тут нет ничего.

И из люка вылетела жестянка.

— Как так ничего нет?!

Коробка была пуста. Наши гороскопы исчезли.

Я спрыгнула вниз, в погреб. Здесь было мокро и холодно, пахло прелью. Где-то капала вода.

— Ну вот, смотри, — сказал Витя, — видишь, тут кто-то лазил. Кирпичи не на месте положены. А вон тут одна расколовка.

Я осмотрелась. Глаза мои привыкли к темноте. Я увидела битые кирпичи, развороченную кладку мокрой стены. Наши загадалки

исчезли. Кто-то вызнал, где мы их прятали, и опустошил наш тайник. Я взглянула вверх и увидела венок из опечаленных физиономий, заглядывавших ко мне вниз. Что я могла сказать?..

— Ну как, Сима, нашли? — кричали сверху.

— Это уже давно залезли, — проговорил Витя и поковылял ногтем кирпичную стенку. — Видишь, тут уже сырьо везде стало, потому что открыто было и банка заржавела, а она у нас была в клянку завёрнута. Я сам в аптеке покупал. Кто же это?

Я ещё раз оглядела погреб. Холодный склизкий сумрак. Плесень, гниль и тлен. Битые кирпичи, лгунский ржавый железный прут, да слабо поблескивающее в углу лезвие от безопасной бритвы, наполовину втоптанное в землю. Вот и вся. Дотопытный Витя подобрал с пола прут, потом подумал, наклонился, поднял лезвие, вытер его о трусы, положил в карман гимнастёрки. Он был человеком хозяйственным.

Я подтянулась на руках. Витя помог мне, и я выкарабкалась на свет. Но и смотреть ни на кого не хотелось после того, что произошло.

Опечаленные ребята стояли вокруг меня. Поход наш был вконец испорчен. Но кто же мог узнать про наш тайник?

Больше всех был ошарашен Игорёк. Он никак не хотел примириться с тем, что гороскопы украдены, сам полез в погреб, чтобы убедиться в их пропаже, вылез в грязь, совсем расстроенный. Лицо его выражало мучительное содроготочие.

— Я знаю, кто! — вдруг закричал он. — Это Васька Жмырёв. Это его работа. Он тут у тёлки, молочницы, недалеко от станции живёт. Он и подглядел.

Действительно, не сделал ли всё это Жмырёв, этот бич нашей улицы, кононод всех наших дворовых хулиганов. Он жил тут, недалеко от Кореванова, возле станции, у своей тёлки, молочницы, но частенько появлялся у нас во дворе и ночевал в соседнем доме, у какого-то своего приятеля, кустаря-кемчика. В такие дни его всегда можно было встретить на углу у кино, где он околачивался целями часами среди таких же, как он, подозрительных парней. Василий Жмырёв, вольный подмосковный огородник, как он величал себя, мог пройти сам и привести кого угодно в любой парк, кино или на стадион, и многие наши мальчишки видели в нём героя. Их привлекали ходячие словечки, которые любил употреблять в разговоре Жмырёв, его наглая изворотливость, уверенные манеры и дешёвый уличный шик. Он нравился и многим девочкам с нашего двора, угощал их эскимо и водил бесплатно в кино. Не раз он звал и меня пойти с ним потанцевать в парк культуры или поехать на стадион, где играли знаменитые футбольисты, все, как наподбор, если верить Жмырёву, его друзья-приятели. Но мне была пророчена вся его повадка. Я всегда отказывалась.

Где-то пронюхав о наших астрономических занятиях, Жмырёв теперь при каждой встрече дразнил моих пионеров:

— Эй вы, халдеи, лунатики! Много звёзд с неба нахватали? Айда со мной, бесплатно проведу в планетарий.

— Определённо, это — василькиных рук дело, — повторил со внезапной уверенностью Игорёк, — я теперь вспомнил...

— Чего ты вспомнил? — неожиданно и ядовито спросил Витя Минаев, в упор поглядев на Игоря.

Игорь молчал. Но я видела, что он действительно вспомнил что-то, внезапно его смущившее, и не хочет теперь говорить.

— Малинин, — спросила я его, — может быть, ты действительно что-нибудь знаешь?

— Ничего я не знаю, — отвечал он, — а вот чувствую, что это он. И всё.

Ребята стояли около погреба расстроенные, недоумевающие. Нечего было и думать о том, чтобы предложить им составить новые гороскопы на следующий год. Противно было, что кто-то чужой нагло вызнал наши тайны, прочёл и, наверное, посмеялся над тем, что мы загадали себе. Теперь уже никогда ребята не захотят составлять себе планы на год. Неприятно будет даже вспоминать о сегодняшнем дне и о нашей славной затее. И начало уже казаться, что кто-то подсматривает за нами из кустов, насмешливый и неуловимый. Да и весь наш поход был теперь уже ни к чему. Надо былоозвращаться домой. И возвращение предстояло бесславное.

— Ну, давайте собираться, делать тут нам больше нечего, — сказала я. — Складывайте вещи, несите в лодку, а потом разберём палатку.

Девочки принялись скатывать одеяла, стали увязывать котомки.

Горячее солнце уже высоко поднялось над нашим островком, день был яркий, осенительный, но нам казалось, что и погода уже стала не такой, какой была с утра.

Ребята спешно собирали и укладывали вещи. Только Игорёк сидел в стороне на корточках, охватив руками колени и положив на них подбородок.

— Ну ты что, Игорёк? — спросила я его. — Ну довольно тебе расстраиваться. Жалко, конечно, что прошли, но ведь кто выполнил задуманное, для того ничего не пропало. Верно ведь?

— Нет, Сима, — сказал он и яростно потёр подбородком о колени. — Это до того обидно, что просто...

Он не договорил. Раздирая кусты, с берега прыгнул Дёма Стрижаков.

— Р-е-бята!.. — закричал он от волнения заикаясь. — А-а-а-а лодки нет!..

И он уронил чайник, который носил к воде мыть.

Мы все кинулись к берегу, где в маленькой бухточке была укрыта наша лодка.

Бухточка была пуста. Лодка исчезла. Вчера её привязали цепочкой к дереву. Вот и по-тёплое место на коре большой ветви. Вот промоинка, оставшаяся от носа нашей шлюпки.

Но лодки не было.

— Поздравляю, — мрачно сказал Витя, — теперь мы тут Робинзоны!

(Продолжение следует.)

На высоком гранитном пьедестале бронзовая фигура пионера. Мальчик крепко сжимает в руке древко знамени. В маленькой энергичной фигуре, в прекрасном и умном лице его выражена твёрдая решимость постоять за советское знамя. На пьедестале бронзовая эмблема: пламя костра и простая надпись: «Пионеру-герою Павлику Морозову».

Павлик — вожак пионеров глухого таёжного села Герасимовки, на Урале. Он смело выступал против кулаков, боролся за колхозы, за хорошую, счастливую жизнь для крестьян. Это было пятнадцать лет назад. Но и через столетия пионер Павлик Морозов, верный сын народа, будет образцом для советских ребят.

«Память о нём не должна исчезнуть», — сказал Максим Горький. Эти слова великого писателя будут отлиты на пьедестале.

Памятник Павлику Морозову будет установлен во дворе Московского городского дома пионеров. Автор проекта, утверждённого правительством, — скульптор И. А. Рабинович.

Ваня-стекольщик

П. Воронько

Ветерок свистит-поёт,
Люд по улице снёт...
И в свою большую школу
Школьник маленький идёт.

На нём курточка нова,
В синей строчке рукава.
Башмаки со скрипом-рилом,
То и дело — раз и два!

Солнце смотрит на него,
Греет ласково его.
Что ж у школьника ни книжек,
Ни тетрадок — ничего!?

Может, к школьному двору
Скликнет школьник детвору
Для игры? Да нет, — на пряжке
Золотятся буквы «РУ».

Буквы стали тесно в ряд,
Жарким золотом горят.
То ремесленник Ванюша,
Он стекольщик, говорят.

На нём курточка нова,
В синей строчке рукава.
А в мешке на ремешке-то
Две стамески — раз и два.

2

В школе встретит мастер Гай,
Скажет: — Ну-ка, помогай!
Поскорее раздевайся,
На линейку налегай!

Подавай стекло мне, друг.
Подровняй его вокруг.
Только тише, не порежься —
Без тебя я, как без рук!

Рис. В. Цельмера

Осторожнее, школяр,
Нам ёщё склить семь пар!
С подоконника не прыгай
На мощёный тротуар.

В школу дети прибегут,
Скажут: — Сколько солнца тут?
Вот стекольщикам спасибо,
Слава им за честный труд!

Скажут: — Слава и привет
Всем, кто любит яркий свет,
Кто впустил в оконце солнце,
Зори, звёзды и рассвет!..

Через щебень, через сор
Пробежал Ванюша двор.
В классе рвёт бумагу с окон,
Что висит с давнишних пор.

Что же мастер не идёт?
Время движется — не ждёт!
Ваня всюду рыщет-ищет,
Только Гая не найдёт.

Он бежит в столярный цех,
Он расспрашивает всех.
Он — в слесарный, он — в мальярный —
Ни у этих, ни у тех.

И везде один ответ:
— Гая не было и нет!
Может, дома? — вспомнил хлопец.
И простыл ванюшин след.

Через грохот городской,
Через кладки над рекой
Он спешит, как будто в гости
Иль на званый пир какой.

На нём курточка нова,
В синей строчке рукава.
За мальчишеской спиной
Хлещет ветер — раз и два!

— КАКИЙ-З КНЯГ КИМЕДОЕ? №
— Иванка сюда доконец!

Говорит: — Спасибо, хлопчик,
Что проведал старика.

За рекою у села

Кузня горном расцвела. А
Вокруг неё колёса, плуги, сено. А
Танков мёртвые тела.

Эти танки, тягачи

На лопаты-копачи;
Да на лемеха для плугов
Пригоняют силачи.

И погибельная сталь

В степь уйдёт — в родную даль.
Пашню чёрную взрыхляя,
Станет светлой, кёк хрусталь.

Пламя алое ревёт,

Молот сталь кусками рвёт.
Ваня скромно поклонился
И спросил: — Где Гай живёт?

— Гай? Который? А, Семёныч!

Видишь, хата в пять окон?
Да стучись к нему потише.
Говорят, болеет он.

Так сказали ковали

Да и к горнам отшли.
А Ивась летит, как ветер,
Только пыль столбом с земли.

Постучался он в окно,

Приоткрылося оно.
Кто-то шепчет: «Наконец-то!
Ждём тебя давним-давно!»

И отпрянул от окна...

В хате белой — тишина:
Дочка Маня у постели
Молчалива и грустна.

Гай лежит белей платка,
Бинт с примочкой у виска.

Мучит грипп меня, Ивась!
Это уж не первый раз,
Повалиюсь дни четыре
И опять давай алмаз.

Осторожнее, школяр,
Нам стеклить ёщё семя пар!
С подоконника не прыгай
На мощёный тротуар.

Улыбнулся вяло он:
— Сам учил и сам учён!
И добавил: — Ты подальше
От высоких окон!

Дочка мастера встаёт,
Провожает до ворот.
Говорит Ивась сурово:
— Время движется — не ждёт.

Глянь, как нам не повезло!
Резать можешь ты стекло?
— Ладно, — Маня отвечает, —
Жди, я выйду за село.

Школа, двор, знакомый класс...
Меня пробует алмаз.
На окно Ивасик лезет —
Так высоко в первый раз.

Стал на выступ, на карниз,
Отдышался, глянул вниз,
А под ним бульвар зелёный —
Ветки с ветками сплелись.

Ой, дрожит его рука,
Не удержит молотка.
— Ты держись как можно крепче, —
Слышит он издалека.

Школяра бросает в жар,
Поглядел он на бульвар,
И давай скорее чистить
Раму старую школяр.

Что за страхи на окне?!

То ли было на войне!
(Этак Гай, бывало, скажет.)
Жили день и ночь в огне!

И совсем как мастер Гай
Крикнул: — Ну-ка, помогай!
Поскорее раздевайся,
На линейку налегай!

Подавай стекло мне, друг,
Подоровяй его вокруг.
Только тише, не порежься —
Без тебя я, как без рук.

БУССИР „ГОЛУБЧИК“

Рассказ Льва Успенского

Рис. Ф. Лемкуля

Летом 1942 года каждый мог видеть их на Каменном острове в Ленинграде; иногда — всех трёх вместе, иной раз — порознь.

Самым старшим из них, безусловно, был комендант Василий Кок, иначе дядя Вася Ко-кушкин. Обитатели Каменного, очень немногочисленные в том суровом году, хорошо знали эту высокую, прямую, как фок-мачта старого фрегата, фигуру.

На лице, на шее, на кистях рук коменданта Кока зимой и летом лежал ровный, никогда не проходящий загар красно-медного оттенка, тот самый загар, который дают людям только море и флотская служба.

Когда он шёл где-нибудь по тихой улице, встречные издали бросались в глаза его усы, длинные и прямые.

Когда же на деревянном пирсе Мореходной станции дядя Вася, войдя во флотский азарт, скидывал чёрный бушлат, стягивал через голову стократно заштопанную, но всегда бесподобно чистую тельняшку и, обвязав аврал, начинал учить окружающих уму-разуму, ребята, работавшие на станции, сбегались со всех сторон и открывали рты. Поглядеть было на что: под кожей старого моряка, как живые, шевелились стальной крепости мышцы, а сама кожа от поясницы и до плеч была вся расписана многоцветной и узорной манильской татуировкой! И какой!

Это не были жалкие синеватые якорьки и булавки, какие можно нередко встретить в нынешние времена. Нет, нет. По спине и по груди дяди Васи Кока мчались львы, порхали павлины, переплетались кронами зелёные пальмы... Стоило ему нагнуться или выпрямиться, и косоглазые буды начинали кивать головами и раскланиваться, попугай-

размахивали крыльями, миловидные японки поводили плечами... Мальчики созерцали эти чудеса, как зачарованные; людям же нервным и впечатлительным не рекомендовалось даже издали смотреть на татуировку старого цу-симца.

Да, он был цусимцем, дядя Вася Кок, боцманом с «Бородина». В девяносто пятом году он шёл с адмиралом Рожественским к берегам островка Пусима, еле спасся на шлюпке, когда «Бородино» перевернулся килем вверх, был подобран в числе других крейсеров «Аврора» и после конца войны благополучно вернулся в Санкт-Петербург. Потом по ранению и контузии его списали с флота. Около десятка лет он служил шкипером на утых пароходиках Финляндского общества, возил от Летнего сада на острова петербуржцев... Два года ему пришлось водить по Неве до Шлиссельбурга большие и малые бусыри...

И вдруг — 17-й год... От Камы до Одессы, от Холмогор до Энзели услышали люди про Василия Кока, большевистского комиссара-матроса, чёрного дьявола для однин, единственную надежду для других... Три раза он был ранен, умирал, тонул, замерзал в снегу... Голова его была оценена сначала в пятьдесят тысяч колчаковских рублей, другой раз — в пятнадцать тысяч долларов.

В последние годы перед новой войной старый морской волк, инвалид Ко-кушкин, доживал свой век на пенсии на Каменном острове, поближе к воде. Кроме того он служил «старшим морским начальником» на Пионерской мореходной базе города № 7, а ещё кроме того он был моделлистом.

В маленькой комнатке окнами на юг, где он жил, кроме стола и безукиоризнно застланной койки (днём она на особых стропах и блоках подтягивалась к потолку), помещался небольшой верстачок. А под самым потолком, медленно поворачиваясь на тонком шпагате, вечно шыряла куда-то вдаль многоцветная парусная эскадра ярко раскрашенных кораблей...

Гордые фрегаты соседствовали тут с остроносыми паровыми яхтами. Утюгообраз-

ный грузный «Потёмкин» колебался рядом с много-парусной «Предестинацией» времён Петра, колумбова «Санта-Мария» расканивалась с забавными круглыми «Поповками» конца XIX века.

В окно было солнце. Стены и печка были покрашены белой масляной краской. Из круглых рамок, изображающих спасательные круги, глядели фотографии каких-то ста-родавших броненосцев. А по обе стороны окна на железных штырях были наглухо укреплены два бортовых сигнальных фонаря — зелёный и красный.

И когда вечером, придав благодушное настроение, дядя Вася вдруг зажигал эти огни, того из ребят, который сидел в это мгновение на краешке спущенной с потолка койки, охватывало совсем особое настроение. Ему внезапно начинало казаться, что потолок комнаты исчезает, стены качаются и раздвигаются, пол начинает ходить ходуном, и в безбрежной дали встают из дымки то какие-нибудь Шантарские острова, то мыс Гвардафуи! Такой уж был он, дядя Вася Кок.

И надо же было случиться, чтобы в 1941 году судьба послала этому старому морскому волку сразу двух сыновей.

По-настоящему Лодя был сыном инженера-геодезиста, жившего в том же самом «городке № 7». Когда началась война, геодезист стал командиром тяжёлой батареи на одном из флотских бронепоездов. А Лодя и его мама не успели эвакуироваться из Ленинграда. Маму-Мику в сентябре убило снарядом, который разорвался на площади перед гостиницей «Астория».

Всю осень и половину зимы — страшной блокадной зимы 1941 года, — тринадцатилетний мальчик прошёл то тут, то там, то у одних, то у других знакомых. Потом Лодю нашли друзья его отца, старички Федченко, и взяли к себе.

В начале февраля Лодя заболел чем-то вроде гриппа. И вот однажды, когда в квартире никого не оказалось, он, в бреду, не понимая, что делает, оделся, натянул валенки, повязал на шею кашне и отправился через весь город «домой», в «городок»...

Почему и как пришло ему в голову такое намерение, он никак не мог потом вспомнить. Просто, вероятно, захотелось хоть один раз ещё — хоть последний разочек! — побывать там, где он жил в счастливые, такие недавние и такие бесконечно далёкие

А кроме того он был моделистом...

мирные дни... Посидеть опять на кожаном кресле у папиного стола, взглянуть на краснокрылый планерчик, висевший на проволоке под потолком... Давно — ох, как давно! — строил он этот планер вместе со старшим другом своим, с Кимушкой Соломиным...

Не помнил Лодя в точности и всего того, что потом случилось с ним в тот день. В бреду он пересек город. И поздно вечером, во время тревоги, он, сбившись с пути, сполз как-то на невский лёд у Каменноостровского моста, уткнулся тут в темные бревна ледореза, упал на снег и, конечно, заснул бы последним сном замерзающего, если бы чьи-то сильные руки не подняли его со льда... Басистый голос разбудил ему в самое ухо: «Эй, эй, браток! Нашёл где пришвартовываться! Вставай, вставай! Э, да ты вон какой!»

Это дядя Вася Кок наткнулся на Лодю в неверной полуутёме лунной и облачной Февральской ночи.

Дядя Вася нёс на руках беспомощного, потерявшего сознание мальчика в свою, даже и в эти дни тепло наотмашную комнату, а второй его пришёл в это время дремал на другом невском рукаве, по ту сторону того же Каменного острова.

Он дремал, окаймлённый узкой прорубью,

которую уже затягивал лёд. Нос его был покрыт огромным серым брезентом. Высокая труба, закрытая сверху для защиты от снега искусно сплетённым соломенным колпаком, глядела прямо на Полярную звезду... Холод зимней ночи был ему нищечём. Поэтому что он был боксиром, небольшим невским боксиром, построенным на Ижорском заводе в 1898 году. И звали его «Голубчик II». Такое ему было дано имя.

* * *

Ещё осенью, месяца за три до встречи с Лодей, дядя Вася Кок, выйдя утром на шире базы, увидел, что течение привнесло к нему повреждённый, покинутый командой боксирный пароход.

Ночью противник сильно стрелял по городу. Наверное около маленького судна недалеко упал снаряд: его борта были пробиты, труба погнута, машина повреждена взрывной волной.

Боксир — не трамвайный вагон. Боксир — не какой-нибудь грузовик. Боксир — корабль. Мог ли Василий Спиридонович Кокушкин оставить корабль без внимания и присмотря?

Безусловно, нет!

Он привывировал «Голубчика II» к киехтам Пионерской мореходной базы, осмотрел с придирчивойщчностью, облизал от верха трубы до тюмра и две недели не отходил от телефона, пытаясь отыскать хозяев боксира...

Странно сказать теперь, — но ведь дело происходило в Ленинграде блокадном, когда гремели обстрелы, грохотали бомёжки, взякой волной наползал голод, — никаких хозяев «Голубчика» не нашлось, и дядя Вася с чувством тайного удовольствия убедился, наконец, что, кроме него, боксир решительно никому не нужен. Он был круглым сиротой, так сказать. Его можно и нужно было усыновить. И Василий Спиридонович Кокушкин, год рождения 1890, усыновил тридцативхметровый боксир «Голубчик второй», год рождения 1898.

Сделать это было не так-то просто, как кажется. У дяди Васи Кока было очень много дел в ту тяжкую зиму. С осени его назначили партийным организатором по жилмасиву № 7 на Каменном, и он с честью и усердием исполнял новые обязанности; а потом, когда случайным снарядом убило на улице коменданта горошка, на его плечи легло ещё и комендантство...

Тем не менее, изо дня в день, поздно вечером или даже ночью, дядя Вася неуклонно шёл на свой флагманский корабль, прошивал, крахтил и пофыркивая, пешней узкую майну вокруг него, скользил слег с палуб, на свирепом морозе чинил и перебирал машину... Крепкая мысль заседала в голове этого фантаэра, Василия Кокушкина. «Вот придёт весна, погонят наши проклятого, и боксиры станут тут нужны, ой, как нужны! Тогда оба мы понадобимся, и я, и ты, сынок! И пойдёт тогда мы с тобой в райком и скажем партии... Скажем: вот погибал кораблишко, а, однако же, не погиб!.. И да-ут нам с тобой, друг ты мой, хорошую работенку...»

Он был, повидимому, основательным чудаком, Василий Спиридонович Кокушкин, старый боцманмат с «Бородина! Явным чудаком... Но надо признаться: если бы на свете жили одни такие чудаки, как он, хорошо бы жилось тогда в мире людям, и наверняка не было бы в нём ни войн, ни чудовищных блокад, ни злобы и несправедливости...

В октябре дядя Вася усыновил первого своего приёмщика, а в феврале — второго. Лодя Вересов попробовал тогда не меньшего ремонта, чем боксир. Он долго «стоял в доке», то есть, по-людски говоря, лежал в госпитале. Он был так истощён и слаб, что до тех пор, пока сознание не вернулось к нему, дядя Вася Кок даже и не знал, кого именно он спас. А очнулся Лодя уже в марте, когда дела пошли в Ленинграде лучше и когда старичков Федченко эвакуировали. Не удивительно, что Лодя так и остался жить у Василия Кокушкина. И уж совсем не удивительно, что, как только он окреп, старый матрос привёл его на набережную, где в посиневшем льду чернел «Голубчик», и объяснял мальчику своим «старпомом» по этой единице флота.

Василий Кокушкин обучил Лодю всем премудростям корабельно-боксирного дела. Потом он привёл на свой корабль худую, но весёлую и крепкую рыжеволосую девушку, Таню Жоголеву. Таня стала механиком, потому что до войны она водила по асфальтируемым улицам города тяжёлый самоходный каток. И, наконец, в первых числах мая «Голубчик II» был торжественно передан Василием Кокушкиным начальству.

Начальство ахнуло было, но время было неподходящее для того, чтобы ахать. Враг ещё стоял под городом. Боксиры были на жёстком счету, людей для них нехватало. И «Голубчик II», со своей необыкновенной командой, получил немедленное назначение: отныне и впредь он должен был изо дня в день водить баржи с продовольствием из Ленинграда в морской форпост его, в Кронштадт, поперёк той части Финского залива, которая вот уже 150 лет как носит у ленинградцев и балтийских моряков фамильярное и забавное название — Маркизова Лужа.

* * *

150 лет эта «Лужа» и на самом деле была лужей — мелководным окончанием залива, мирным полем действия для спортивных яхточек да рыбачьих лодок. Но в 1942 году дела тут обернулись совсем иначе.

В этом году на южном берегу Маркизова Лужи стояли немцы. Их тяжёлые батареи были направлены на залив. Их наблюдатели из Петергофа, из Стрельны видели всю его неширокую «акваторию»: между Петергофом на южном берегу и Сестрорецком на северном все расстояние не превышает десяти — одиннадцати миль; снаряды, вылетевший из пушки в Стрельну, может легко перелететь залив и упасть где-нибудь в лесах за Лисьим Носом.

Немцам не хотелось, чтобы связь по морю между Кронштадтским районом и Ленинградом могла продолжаться. Особенно возмущали их, что подводные лодки Балтийского флота, возвращаясь из походов в откры-

тую Балтику, добирались, до Невской дельты и бесследно исчезали в огромном городе. Днём и ночью немцы следили за заливом. Днём и ночью обстреливали они каждую движущуюся точку на его серебристо-серой, как чешуя финской салаки, поверхности. А по ночам малейшее движение склоняло к его волнам с прибрежных холмов многочисленные лучи прожекторов, и снаряды выпадали из пушечных жерл, и «мессеры» или «юнкеры» повисали над водой, и буро-белые фестоны взрывов и всплесков возмущали спокойную гладь...

Но связь не прерывалась. Корабли шли... И через две недели после своего первого выхода в море «старпом» «Голубчика» Лодя Вересов, год рождения 1929, столько раз видел, как рвутся в зеленоватой воде снаряды, столько раз слышал вой пикировщика, что его по праву мог бы уважать любой морской волк Атлантики или Тихого океана. Маркизова Лужа была меньше, чем море Сулу, но отнюдь не без опаснее...

Лодя Вересов не испытывал большого страха. Командиром у него был Василий Кок, а в кочегарке, рядом с Таней Жоголовой, шуровала топку котла Марьяна Савельевна Зимина, женщина пятидесяти лет отроду, плечи которой были на 4 сантиметра шире дяди Васильевых, а голос — на октаву ниже. Она была вдовой коменданда, убитого немцами ещё в ту войну на линкоре «Слава» в знаменитом Моозундском бою. На «Голубчик II» её прислали прямо из Управления, и она прислаялась тут как по мере.

Так вот и шли дела. Их было много, дел. Но всё же Василий Спиридовович был доволен судьбой только на 99 процентах: ведь важная — таскать баржи, но ему сейчас хотелось чего-то большего. И, наконец, это «большее» пришло.

В первых числах июня того года подводная лодка Балтфлота «Щ-003» под командованием капитан-лейтенанта Розвадовского, вернулась из дальнего плавания.

Много дней и много ночей длился её поход в открытой Балтике, охота за транспортами противника. Много дней и ночей подводный корабль пробирался домой по узкому, в десятке мест перегороженному минами заграждениям Финскому заливу... Долгие часы лодка, скрываясь от катеров врага, отлёживалась на грунту глубоко под водой. Люди, задыхаясь в испорченном воздухе, говорили шепотом, чтобы их нельзя было услышать через акустические приборы, ходили босиком, чтобы не шуметь. И всё-таки глубинные бомбы рвались вокруг; в лодке разбивались лампочки, потухал свет, портились механизмы... А стоило всплыть на поверхность, чтобы запастись чистым воздухом, как к судну сразу же кидались вражеские «москиты».

Машины стали сдавать, всё хуже и хуже работало управление: глубинные взрывы не проходят даром.

Наконец третьего числа всё это кончилось. Вечером «Щ-003» была ещё на траверзе Бьоркса, а к утру Розвадовский, подняв голову от карты, улыбнулся впервые за последнюю неделю и приказал продувать цистерны. Пришли домой, в свою воду...

Открытый люк, чмокнув, открылся. Се-

ребристо-серебряная ночь лежала над заливом. Тишина царила вокруг, полный штиль, глубокое спокойствие... Две зари, обнимая одну другую, отражались в недвижном море. Кое-где с воды полосами поднималась лёгкий туман; в тростниках у далёкого берега края-кали и плескались дикие утки; ещё дальше на берегу скрипели вросистой траве коростель; над морем растворился льющийся оттуда, с земли, сильный, пьяный, родной запах: на берегу вовсю цвела в эти дни чёр-муха...

Не случалось вам вспыльвать так, вырываясь из рук беспощадной смерти, ранним утром, в своей, беспасной воде, навстречу солнцу, свету, чистому воздуху, навстречу соловийному пению и вешнему буйному за-паху чёрмухи? Не случалось?! Ну, так передать этого словами нельзя!

Сосна и сохнувшие на песке водоросли, сено, оставшееся на каком-то лужке, береговой дымок из затопленной рано поутру почки, веющий туман и чёрмуха, чёрмуха... Всё самое близкое, самое любимое, самое родное... Родина! Мать! Здравствуй... Мы живы!

К вечеру «Щ-003» прибыла в Кронштадт, простояла там сутки, а на следующий день, — вернее, в ночь — ей приказано было идти в Ленинград на доковый ремонт, стоянку и отходы.

Сделать этот двадцатимильный переход было не так-то легко. Как уже было сказано, всходу на южном берегу залива стояли немецкие батареи. Однако после всего того, что уже пережили подводники, это казалось им пустяком. Попода в последние дни была устойчивой, на море каждые сутки ложился из полуночи молочно-белый туман, горизонт затягивало дымкой. Пройти, казалось, будет можно... А чтобы не рисковать ничем, «Щ-003» должны были сопровождать два быстроходных катер-дымозавесчика. Ежели туман — не к ночи будь сказано — рассеется, на них падала задача западриТЬ усталую лодку длинной серебряной белой завесой дымки.

«Чтобы не рисковать ничем!» — сказал командир дивизиона. Прекрасные слова! Но если бы выпадали на войне такие дни, когда можно не рисковать ничем!

Вечером лодка вышла из Кронштадта. Часам к десяти последние зелёные мальчики-малючки остались позади, и промада Николы Морского, кронштадтского собора, расплылась в сумерках за спиной. Немного позже море затянуло туманом. Лодка и катера шли теперь, точно в молоке: лучшего и ожидать не приходилось. А в двенадцатом часу всех, кто был на лодке, пощипнула мягкий, но сильный толчок. Послышалось какое-то шуршание, и лодка остановилась. Что случилось?

Случилась очень нехорошая вещь. Маркизова Лужа мелькала. Глубокие впадины фарватера тянулись по ней только в одном месте. Вокруг рыхлые песчаные отмели, которые неустанно насыпают и размывают заново великая труженица, река Нева. И вот уж трудно сказать, что же именно произошло в тот раз: невские ли струи неожиданно перенесли большую мель на новое место или приборы лодки, расшатанные глубинными взрывами...

вами, вдруг отказали и привели её на неверный курс, — только она со всего своего двенадцатизлового хода врезалась в мягкий и вязкий иллистый зыбун. Целый холм морской грязи, спрятанный на дороге, как самая коварная западня!

Капитан-лейтенант Розовадовский быстро вышел на узкую палубу лодки.

— В чём дело, мичман? — с досадой спросил он.

— Банка проклятая не на своём месте, товарищ капитан-лейтенант! — хмуро отвечал мичман Лазарев. — Ей бы кабельтовых на две мористе быть... В самую сердцевину въехали.

Туман вокруг был плотен и густ. За ним, как за слоем ваты, тихонько ворковали моторы катеров: они, наверное, уже искали лодку. Капитан-лейтенант секунду или две прислушивался. Потом он приказал дать полный задний ход дизелями...

Винты посмущно завертелись в обратном направлении, но нет: отмель не отпустила свою добычу...

В первые минуты положение не показалось угрожающим никому. Однако время шло, а лодки упреждному держали незримые мягкие руки...

Осторожно подошёл к ней один катер, потом другой. Попробовали взять «Щ-003» на буксир с кормы... Ничего не получилось: силы лёгких судёнышек были чересчур малы, чтобы сдвинуть с места лодку, но более чем достаточные для тонких пеньковых троек... Концы лопнули один за другим, звонко, как струны, а лодка даже не пошевельнулась...

И примерно в тот миг, когда не выдержал второй канат, капитан-лейтенант вдруг ощущил первое прохладное дыхание поднимающегося лёгкого ветра-береговишка. Капитан-лейтенант вздрогнул: стоило береговику окрепнуть, и тогда...

Так в точности и случилось. Ветер усилился... Один из катерков бросился ставить завесу на место разгоняемого тумана. Но ветер задул лёгкими шквалами, подхватил её и понёс, почти не разрывая, через море туда к Сестрорецку. И почти в тот же миг на юте громко хлопнуло, точно откупорили гигантскую бутыль. Злой противный свист перерезал пополам освещённое зарей небо, и первый немецкий тяжёлый снаряд лёг метрах в двухстах мористе «Щ-003». Переёт!

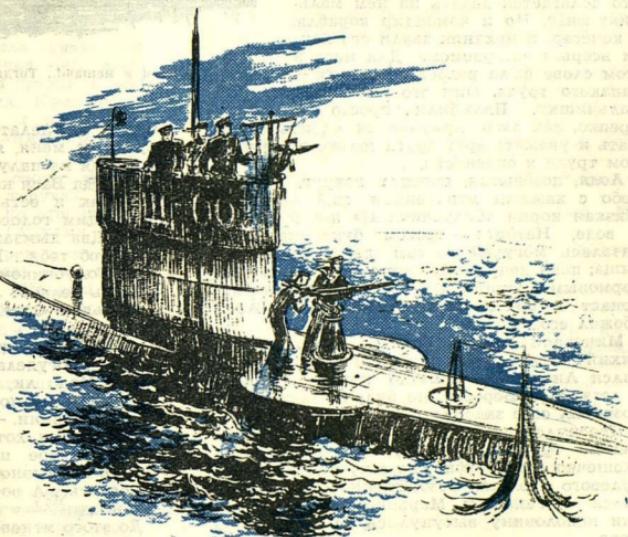
Это продолжалось почти час. Ветер отогнал весь туман от занятого немцами берега, и он стоял между Крон-

штадтом и лодкой. Николы Морского теперь не было видно. Но Ленинград ясно вставал впереди. Туманились портальные краны Путиловской верфи. Ближе шёл невысокий берег, который поднимался к западу. С этого берега гремели тяжёлые залпы. А на море, внизу, открыта вражеским наблюдателям, беспомощная, чернела прикованная к месту «Щ-003», и около неё два катерка, как два верных друга, предпочитающие сто раз погибнуть, нежели один раз покинуть товарища в беде.

Единственное орудие лодки яростно отвечало на огонь нескольких немецких батарей. Катера делали тщетные попытки восстановить завесу. Напрасно! Ветер уносил её... Немецкие снаряды уже ложились всё ближе и ближе, уже было трое раненых и один убитый... Уже лица команды покрылись пороховой копотью разрывов. Уже капитан-лейтенант несколько раз порывался сказать что-то, но всякий раз хватался рукой за горло: как страшно и горько было ему отдать роковой, хотя и неизбежный приказ... Как вдруг...

Как вдруг новая действующая сила совершило неожиданно вмешалась в эту драматическую сцену.

Вперед смотрящий «Щ-003» краснофлотец Руденко доложил, что видит слева по носу судно, небольшой буксир, идущий, повидимому, из Ленинграда в Кронштадт. Капитан-лейтенант рассеянно кивнул головой. Буксир действительно совершенно открыто шёл много севернее места драмы, и бурый дымовой сultan его, растрепанный ветром, раз-

Единственное орудие лодки яростно отвечало на огонь немецких батарей.

вевался чуть ли не до самых предмстий города. Ему было можно, пожалуй, позавидовать, этому кораблику: немцам жалко было тратить на него выстрелы, но обращать на него какое-либо внимание Розадовскому, конечно, не приходилось...

Внезапно Руденко закричал еще раз сквозь грохот разрывов:

— Товарищ капитан-лейтенант!

Буксир разворачивается в нашу сторону!..

Капитан-лейтенант Розадовский поднял бинокль к глазам:

— Просигнальте: «Смертельная опасность! Берите нордисте!». Да что они, в самом деле, не видят, что ли?

В круглое окошко бинокля он ясно увидел высокую трубу, выбрасывавшую клубы буро-чёрного дыма, острой форштевень, вздымавший на самом полном ходу бурун, коричневую, крашеную под дерево, игрушечную рубочку мирного судна... Собственно, смешно было думать, что на буксире не видят опасности. Там явно видели её. И тем не менее, дав полный до отказа ход, свернув со своего безопасного пути, они мчались навстречу верной гибели... Зачем? Чего ради?

***

«Голубчик II» отвалил от берега среди ночи. Предстоял уже двенадцатый рейс его в Кронштадт.

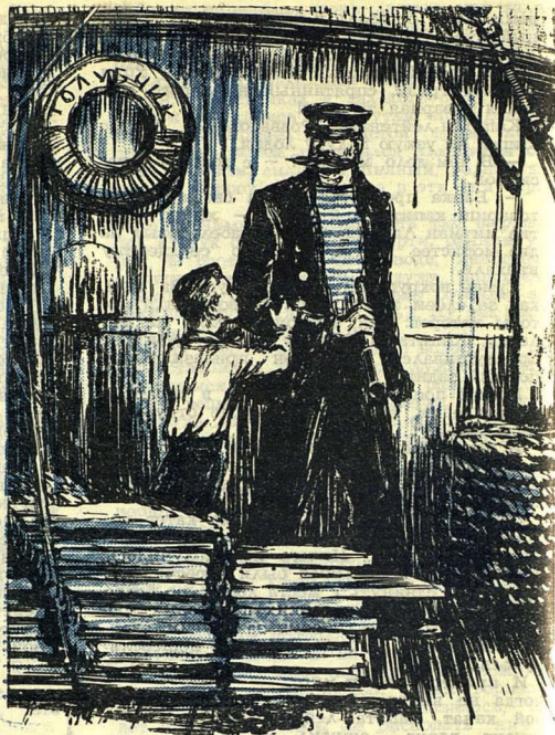
«Старпом» Вересов сидел на носу судна. Лодя делал на буксире всё, что полагается делать на нём мальчику-юнге. Но и командир корабля, и кочегар, и механик звали его почти всерьёз «старпомом». Для него в этом слове была радость, для них — никакого труда. Они его полюбили, мальчишку. Полюбили просто и крепко, как люди приучаются любить, понимать и уважать друг друга только в совместном труде и опасности.

Лодя, позевывая, смотрел вокруг. Светлое небо с каждым мгновением ещё светлело. Низкая корма «Голубчика II» почти сидела в воде. Нётральная трюсом боксирина дуга казалась могучей костью допотопного чудища; пена непрерывно кипела за пеньковым кормовым кранцем. Он был невелик, но крепнат и силён, этот «Голубчик», и Лодя обожал его...

Миновали начало Голодая. Промелькнул тихий и кустистый Волынь острог, показался Лисий Нос... Стало немного зноно, и «старпом» Вересов, не будучи вахтенным, проводил себя задремать...

Проснулся он от того, что слева по носу сильно гремело, а дядя Вася, отодвинув окошечко своей рубки, не отпуская рукояток рулевого колеса, возбуждённо перекричевался с Таней и Марьяной Савельевной: они наполовину высунулись из машинного люка.

— Не иначе, как на мель кто-то сел, дамочки! Ах ты, чтоб тебя!.. А он бьёт и бьёт по тому месту, проклятый. Вот беда ведь...

— Если я мешаю!.. Тогда зачем было и брать меня?

Что ж тут делать-то?.. Жоголева, постой минутку за меня, я погляжу...

Выйди на палубу с подзорной трубой в руках, дядя Вася на минуту поднял её к глазам.

— Так и есть! — закричал он через миг плакучим голосом. — Пододвя на банке сидит... Два лымзавестника около ворта... А ты, чтоб тебя... Нет, где им: разве сдёрнут? Это «Голубчиком» бы попытать... Ну, что тут будешь делать?

Марьяна Савельевна из-под руки взгляделась в даль.

— Как что тут делать? — глубоким своим басом прогудела она. — Идти надо... Помогать... Мало ли, что бьёт...

— Мать ты моя, Савельевна! — ахнул капитан Кокушкин. — Да что я, глупей тебя? Да бей он меня хоть до смерти... Мне седьмой десяток, тебе шестой... Нам что! Татьяна самого призывающего возраста девица... Кому же и воевать... А вот малчуган-то, «старпом» — то у нас?..

До этого мгновения Лодя Вересов, не видимый им, сидел смирно, взглядывая в даль. Но тут он вскочил, как подкинутый пружиной.

— Если я... Если мне... Если я мешаю!.. —

закричал он, сжимая кулаки, чтобы не разреветься от негодования и обиды.—Тогда зачем было и брать меня?.. Товарищ капитан... Дядя Васечка... Вам седьмой десяток, а я... я пионер! Я всегда готов! Я...

Капитан Кокушкин только мимолётам глянула на умоляющее лицо своего «старпома» и бросился в рубку.

— Самый полный вперёд! — загремел его совсем другой, настоящий краснофлотский голос.— Ну уж... Держись же тогда, ребята...

* * *

Они орали друг на друга, как злые враги, капитан-лейтенант Розадовский и капитан Кокушкин, когда их суда сблизились.

— Куда припёрся, сумасшедший старик! — неистовствовал офицер.— Да ведь одного осколка вам довольно. Марш обратно! Разворачайтесь...

— Я тебе развернусь! — грохотал в ответ Василий Кокушкин.— Над ними командуй, а мне ти никто! Эй, на подводке: держи швартов!

Лодя Вересов бросил канат. Кто-то из матросов мгновенно поймал его... Катера оба сразу кинулись опять ставить хоть кратковременную дымзавесу...

Прошло несколько минут страшного напряжения. Буксир «Голубчик» тянула, тянула из всех сил... Динамометр на букирном трюсе его давно показывал предельную, потом сверх всякой предельной. Нет! Ни на один ломтик «Щ-003» не трогалась с места...

Тогда завели конец несколько в сторону, наискосок. Лодка закачалась под могучим напором буксира... Марьяна Савельевна, вся в поту, швыряла уголь полными лопатами...

— Ничего не выйдет, — хрюпал сказал Розадовский штурману. — Сейчас они опять начнут бить. Я не имею права губить и свой экипаж... и этих сумасшедших. Командуйте переходит людям на буксир и на катера.

Но штурман не успел выполнить приказания.

Дядя Вася появился на своей палубе с огромным синим мегафоном в руках. Неизвестно, откуда он его добыл, но при его помощи он командовал своими баржами.

— Эй, там, на катерах! — загремел его усиленный рупором бас. — Слушать мою команду: замкнутую циркуляцию. Полный ход! Ходить вокруг лодки... Больше волну...

В первый миг его, может быть, и не поняли. Но мгновение спустя, пока завеса кое-как держалась и немец, выжидая, прекратил стрельбу, оба катера стремглав кинулись

выполнять приказ... Ну и старики! Теперь уж они всё поняли... Ай да старики!

Один круг, два, три, семь, десять... Могучие волны яростно склестнулись на бортах «Щ-003».

— Круче! Круче! — ревел дядя Вася.—Давай ход! Ещё раз!

Он вглядывался в лодку и вдруг, как шестнадцатилетний, одним прыжком кинулся снова в свою дверцу...

— Полный вперёд! Танюша, голубчик!

Волны, разведённые двумя быстроходными катерами на мелком месте, сделали своё дело. Они раскачивали огромное стальное ветерено, размыли из песка у его бортов. Вода замутилась, пошла пузырями... И когда «Голубчик» рванул, «Щ-003» медленно, неуверенно склонулся с баками и поползла, поползла... Капитан-лейтенант Розадовский устало закрыл глаза... Дело было сделано.

Да, конечно: немцы были ещё. Один снаряд ударили так близко от «Голубчика», что осколки наполовину перервали буксирный трос, прорызали трубу и выбили два стекла в командирской рубке. Другой упал почти на самую корму лодки, но, по величайшему счастью, не разорвался.

«Щ-003» была спасена.

* * *

Буксир «Голубчик» прибыл в Кронштадт с четырёхчасовым опозданием, и сведения о том, что произошло на море в квадрате таком-то, достигли города раньше его прихода, через катера. Встреча, которая была организована экипажу буксира, заслуживала бы особого описания: наши моряки умеют проявлять свои чувства.

Отправлять баржи в Ленинград было уже поздно. «Голубчиковцы» заночевали в военном порту.

Лодя Вересов почти спал, когда Василий Спиридовович, наполовину раздевшись, подошёл к его койке. Некоторое время он стоял, молча и смотрел на Лодю.

— Так, говоришь, ты пионер? — спросил он, хотя Лодя не проронил ни слова.

— Пионер! — сонно пошевелил губами мальчик.

— Гм!.. — пробормотал старый моряк. — И много вас таких?

— Каких «таких»? Все такие... — сквозь сон выговорил Лодя.

Дядя Вася ещё раз издал своё невнятное «гм!». Потом он неторопливо подошёл к окну.

За окном, у лирсы, — рукояткой поднялась высокая, чёрная с красным кольцом, знакомая труба. Это он, «Голубчик», с почтением стоял сегодня среди военных кораблей.

Прошло лето, весёлое пионерское лето! Как провели вы его? Что узнали за это время? Чему научились? С какими впечатлениями вернулись в школу? — с этими вопросами мы обратились к читателям нашего журнала. И вот что они написали.

Пять
незабываемых
дней

Я уверен, что это лето я буду помнить всю жизнь. Да и никто из горийских пионеров никогда его не забудет. В самом деле, разве можно забыть утро 29 июня, когда к перрону станции Гори подошёл нарядный экстренный поезд и улицы нашего города наполнились ребятами, при-

Москвичка Раи Чувикова и Лили Литанишвили, из Гори, обмениваются адресами. Девочки подружились за слёт и решили переписываться.

ехавшими со всех концов страны! У каждого на груди был небольшой значок с изображением домика Сталина — значок делегата слёта пионеров Грузии. Тут были пионеры из Кахетии, Аджарии, Картлании, из Москвы, Ленинграда, Армении, Украины, Эстонии, Литвы, Северной Осетии, Сибири. Одни приехали на поезд, другие — на машине, третий — на самолёте. Вот, например, Вова Песковец из Краснодарска — он «налетал» 25 часов, пока добрался до Тбилиси. А одна девочка — она живёт в Туруханском крае, недалеко от того места, где были в ссылке товарищи Сталин, — так эта девочка и на пароходе по Енисею плыла, и на самолёте летела, и поездом ехала, чтобы попастись к нам.

Слёт был созван в Гори, на родине товарища Сталина. И, конечно, наши гости прежде всего хотели увидеть домик, где Сталин родился. Прямо со станции все пошли туда.

Вот он, маленький, скромный домик. С волнением осматривали его ребята. «Подумай! — говорила одна девочка другой. — За этим самым столом Сталин мальчиком читал книги и готовил уроки! И эта же самая лампа тогда горела!»

С волнением слушали мы рассказы о детских и школьных годах Сосо Джугашвили. Рассказывали нам об этом товарище Глурдзишвили и Елисабедашвили, которые знали Сталина в детстве.

Ребятам хотелось всё увидеть в родном городе великого вождя. Мы, горицы, показывали им семинарию, где он учился. Водили на старинную горийскую крепость, рассказывали героическую историю Гори, древней столицы Грузии. А вечером в театре мы исполняли для них народные грузинские танцы, пели наши чудесные песни.

Долго-долго мы не расходились. И даже когда закончился праздник в театре, город не заснул. У всех наших пионеров были гости в этот вечер, потому что мы пригласили делегатов слёта к себе домой. Всезде горели огни, везде были накрыты столы. Мы заранее нарезали для наших новых друзей самых лучших фруктов. Наши мамы уго-

щали гостей грузинскими кушаньями. Это был такой весёлый, такой радостный вечер!

На другой день мы все поехали в Тбилиси. В каждом вагоне звучали песни — русские, грузинские, украинские, эстонские. Ребята не отрывались от окон, а мы рассказывали о тех местах, мимо которых проезжали. Вот Уплисцихе, древний пещерный город, здесь бывал на экскурсии вместе с другими учениками духовного училища Сосо Джугавшили. Вот Мцхета — этот город был столицей Грузии после Гори. Вот знаменитая Земо-Авлчальская гидроэлектростанция. А вот это, видите там, на горе, — старинный монастырь, это о нём Лермонтов писал в «Мцыри». Помните: «Там, где сливался шумят, обнявшись будто две сестры, струи Арагвы и Куры, был монастырь...»

Очень интересно прошли остальные дни слёта. Мы осматривали исторические места Тбилиси, связанные с революционной деятельностью товарища Сталина. Побывали в подпольной Авлабарской типографии; она совсем такая же, какой была в 1903 году, когда бесстрашно работали там большевики-подпольщики. Как захотелось нам всем быть такими же стойкими и преданными партии! В музее нам подробно

Депутат Верховного Совета Грузинской ССР Георгий Иванович Елисабедашвили с делегатами слёта.

рассказали о работе Ленина и Сталина. Многое узнали мы и решили глубоко и серьёзно изучить жизнь наших великих вождей.

Часто-часто вспоминаю я дни слёта. И сейчас, когда я пишу это письмо в журнал, мне кажется, что я разговариваю со всеми своими новыми друзьями.

Привет вам из Гори, ребята!

Марлен Ниношвили,
ученик 7-го класса 2-й мужской школы
г. Гори.

Хороший месяц — июль

Вот уже осень, я давно хожу в школу, а все вспоминаю и вспоминаю месяц июль.

Мне тридцать лет, и хотя у меня было плохое в жизни (ведь у нас в селе были немцы!), но и хорошего много случалось. А этот месяц — июль — был самый хороший: первого июля приехал из армии мой папа, а потом меня выбрали делегатом пионерского слёта, и я поехал в Киев.

Село наше маленькое и от железной дороги стоит далеко. А поезд на Киев уходит рано, и, чтобы не опоздать, надо встать до света. Мы с папой вышли на улицу, смотрим, а у нашей хаты пионеры стоят. Папа спрашивает:

— Это что за таинственные личности нас тут караулят?

— Это не личности, — говорю я, — это — наше звено, наверно, они пришли провожать.

Когда папа уезжал в армию, нам было лет по семь — восемь, и поэтому он не узнал ребят. Все вместе мы пошли к станции. И уже около станции Водолая Брайнов вдруг говорит:

— Что же это мы никого не выбрали на место тебя? Кто же будет вожатым звена, пока ты будешь на слёте?

Но выбирать уже некогда было. Скоро должен был подойти поезд, я в шутку говорю:

— Папа, оставайся вместо меня.

А ребятам понравилось, они стали шуметь:

— Давайте, Егор Ильич, вместо Леси.

Мой папа был пионером ещё в то время, когда не было колхозов. Кулаки тогда грозились, что сдерут с пионеров красные галстуки, и один раз избили папу за то, что он писал против них плашки, но папа, конечно, не вышел из отряда...

В большом городе я никогда раньше не была. Наверно, есть города лучше Киева, но мне кажется, что лучше нет. Дома высокие, красивые; улицы широкие и чистые; вечером на улице светло — прямо хоть книгу читай. И много красивых памятников, а деревни такие, как у нас в деревне растут, но повыше. Только много домов пемец разрушили.

Мы ехали с вокзала в машине, я села возле самого шофёра. Едем быстро, всюду флаги. Я спросила шофёра:

— Почему у вас всюду флаги, ведь сегодня не праздник?

— Как же, — говорит, — не праздник, когда ты в Киев приехала?

14 июля в Киеве состоялся большой пионерский праздник. В этот день пионеры 25 областей Украины съехались на Второй республиканский слёт. Праздник открылся парадом по городу. На снимке: первая колонна, её возглавляет оркестр пионеров города Житомира.

Я говорю:

— Вы, дядя, шутите, а я, правда, не знаю.

А он отвечает:

— Я не шучу. У нас сегодня праздник, потому что пионеры со всей республики съехались в столицу на свой слёт. Поэтому и флаги. Увидишь завтра, сколько людей придет на открытие нашего слёта.

И правда, на открытие пришло очень много народа — со всех заводов и фабрик. К нам на слёт пришёл Лазарь Монсеевич Каганович. А на костре были знаменитый партизанский командир Сидор Артемьевич Ковшак, учёные и артисты.

Я, когда ехала на слёт, немножко боялась. Приеду сюда, а тут городские, умные, ещё разговаривать со мной не захотят. А папа говорит мне: «Ты не в Америку едешь! У нас, в Советском Союзе, все ребята — знакомые и не знакомые — товарищи. И ты никого не бойся».

Я приехала и сразу перестала бояться. Сразу со многими познакомилась: с Витей Комаровым из Закарпатской Украины, с Леной Ткаченко, с Валей Демухом из Одессы и многими другими.

На второй день у нас была пионерская конференция. Мне ребята ещё в селе говорили: «Ты там обязательно расскажи про нашу работу».

Ребята рассказывали о хороших делах своих отрядов. А остальные слушали и записывали, чтобы сделать самим то, чего у них ещё нет. Я тоже записывала, потому что мне, как и всем делегатам, хотелось, чтобы мой отряд был хорошим.

Я записала, как пионеры Запорожья заботятся

о детях погибших воинов, как ребята из Херсона путешествуют по родному краю, как пионеры и школьники из Винницкой области построили свою школьную электростанцию, как харьковские пионеры сделали радиоприёмники для колхозников, и ещё многое другое. На слёте я узнала, что много хорошего делают пионеры нашей республики. И все хотят сделать ещё больше для своей Родины.

Во время слёта была открыта выставка юных техников и юннатов. Там было всё самое хорошее, что смастерили или вырастили пионеры. Я пожалела, что не привезла ничего, а я тоже могла привезти хлопок или помидоры, которые мы вырастили на картофеле.

Пять дней мы были в Киеве. Мы ходили в театр, сидели по Днепру на пароходах, нас везли в машинах и показывали нам город.

Когда я приехала домой, на станции меня встречали папа и наше звено. Папа отдал мне честь и доложил по-военному:

— За время вашего отсутствия звено работало ещё лучше, чем при вас...

Правда, покуда меня не было, председатель колхоза премировал наше звено барабаном и горючим. Звеньевым был Володя Брайнов, а папа ему только советовал, как и что делать.

Дорога до деревни длинная, и я всю дорогу рассказывала папе и ребятам о слёте, но даже половины не рассказала. И до сих пор всё рассказываю: то одно, то другое вспоминаю.

Леся Огородниченко
УСОР, Николаевская область.

Пионеры колхоза

«Горшиха»

Мы живём в орденоносном колхозе. «Горшиха» славится породистыми коровами и лошадьми. У нас много овец, свиней и всякой птицы. Правительство наградило наш колхоз орденом Ленина за хорошую работу. В кабинете Ильи Ивановича Абромсикова, председателя колхоза, все стены увешаны почётными грамотами и благодарностями колхозникам за честную стахановскую работу. У нас все работают очень хорошо, поэтому и колхоз наш зажиточный.

В этом году весной колхозники написали товарищу Сталину письмо, в котором обещали с честью держать звание орденоносного колхоза.

Когда наш отряд узнал об этом, то мы решили участвовать в выполнении обязательства колхозников. Мы составили себе свой план и решили, что каждый пионер и школьник за лето должен выработать не менее пятидесяти трудодней. Всем вместе нам нужно было заготовить 5 тонн веточного корма для овец и коз, 40 тонн силюса, прополоть и убрать овощи с 8 гектаров и с 80 гектаров собрать колоски.

Работали мы целое лето. Оказалось, что многие из нас справляются с любым делом. Коля Яснев и Гена Колотухин вместе со взрослыми силюсовали корма и возили навоз с колхозных дворов в поле. Коля вывез сорок возов. Толя Мурашова и Эля Комарова только на прополке свёклы и лука выработали по двадцать пять трудодней, а они ещё ворошили сено.

Нина Иванова уже в июле выработала 45 трудодней.

Правление колхоза ещё не подсчитало, сколько точно трудодней заработали пионеры и школьники нашей школы, но мы уверены, что это будет во много раз больше, чем мы думали, когда составляли свой план. Работать в поле нам понравилось, и многие из нас сделали больше, чем собирались.

Председатель отряда Коля Яснев
Пионеры: Нина Иванова, Толя
Мурашова, Эля Комарова.

Колхоз «Горшиха»,
Медвединский сельсовет,
Ярославской области.

Лариса Грекова, воспитанница 168-го детского дома Ярославской области, нарисовала, как пионеры их дружин помогают колхозникам убирать лён.

Первый отряд нашей волости

Я живу в Латвии, в Лиекснакской волости, Даугавпилсского уезда. Год назад меня избрали председателем совета отряда. Это был первый пионерский отряд в нашей волости. Раньше мы не знали, кто такие пионеры, но комсомольцы в нашей волости были. Они пришли к нам в школу и рассказали о пионерских отрядах в русских школах.

И вот у нас тоже организовался пионерский отряд. Сначала мы только читали «Пионерскую правду» да разучивали песни. За зиму мы выучили «Пионерский гимн» и другие песни.

Пришла весна, мы сдали экзамены, а что де-

лать дальше, не знаем. Лагеря у нас ещё нет, живём мы на хуторах — далеко друг от друга — и летом обычно встречаемся редко. Но это получилось у нас особенное.

В нашей волости организовался коннокротательный пункт. Оттуда все бедные крестьяне берут лошадей для работ в поле. Комсомольцы узнали, что конюхи на этом пункте не справлялись с работой и послали нас на помощь. Мы пошли и сказали, что хотим ухаживать за жеребятами.

Всё лето двенадцать пионеров нашего отряда работали на конном пункте и на целую зиму запасли жеребятам корм.

Это была первая общественная работа пионеров нашего отряда. В этом году в нашем отряде будет ещё интереснее: мы теперь знаём, что надо делать.

Илма Боровска.

Латвийская ССР, Даугавпилсский уезд,
Лиекснакская семилетняя школа.

Причудливые скалы

«Перья» — самые трудные для переходов скалы в заповеднике. Чтобы пройти по ним, столбисты прыгают с «пера» на «перо», хоть места для разбега нет.

Я люблю свой город и особенно его окрестности. У нас есть необыкновенные, очень интересные места. Например, заповедник Столбы на правом берегу Енисея. В густом таёжном лесу на несколько километров тянутся совершенные, голые, без травы и кустарников, гранитные скалы и утёсы. Издали они в самом деле похожи на столбы.

Красноярцы очень любят ходить в заповедники и взбираться на столбы. Это совсем не легко, и стать столбистом в Красноярске считается поётчным. У нас даже есть спортивно-альпинистское общество «Беркут», в котором состоят лучшие скалолазы. Но туда не принимают ребят, а только взрослых. А мне в это лето очень посчастливилось: я ходил на Столбы с настоящими столбистами.

Скала в заповеднике много, и все они разные. Одна скала очень похожа на голову старика и называется Дед. Есть скала Колокол. Если по ней ударить ладонью, то она зазвенит, как колокол, и звон этот даже в тайге слышен. Есть скалы, на которые можно взбираться только по расщелинам или по совершенно отвесным и скользким стена.

Самая высокая скала в заповеднике — Второй столб. Она интересна ещё и тем, что хранит память о революционном движении рабочих Красноярска.

До Октябрьской революции на Столбах часто устраивались тайные революционные сходки рабочих. Среди рабочих было много столбистов, и полиции трудно было их преследовать. Вот какую историю о тех временах рассказывают старые столбисты.

В 1899 году на верхушке Второго столба рабочие огромными буквами написали слово «Свобода». Полиция заволновалась, но виноватых не нашла. За большие деньги один бесчестный человек согласился подняться и закрасить это слово, но краски у него хватило только на одну букву «С». Тогда полицейские велели столбистам поднять их на скалу. Они решили сами сбить слово «Свобода». Мучились они, мучились, но так ничего и не сделали, а когда собрались спускаться, столбистов нигде не оказалось. Полицейские просидели на столбе больше суток.

Скоро я стану настоящим столбистом и узнаю всю историю Красноярского заповедника.

Владимир Беляк,

ученик 6-го класса 2-й школы

Двадцать пять пионерских костров

На крутом берегу извилистой и прозрачной реки Тунгусонки, в двадцати двух километрах от города Ярославля, был раскинут палаточный лагерь областного пионерского актива. Единственное открытое место в лагере выходило на Тунгусонку. Кругом такой густой берёзовый лес, что отойдёшь немногого в сторону, и лагерь уже не видно. Вокруг палаток, там, где были пни и кочки, мы сделали ровные широкие аллеи и посыпали их белым песком. По бокам аллей и у каждой палатки мы выложили из песка, диких ягод, словесных шишек и веток гербы советских республик, лозунги, пионерские атрибуты. И наш лагерь стал парадным.

Жизнь тут, в лесу, у реки, была чудесной. Походы, военные игры, лесной маскарад, ночные дозоры у костра, когда дедушка-сторож рассказывал нам разные истории, — всё это запомнился нам навсегда. А чудесней всего был один наш лагерный праздник, о котором мы п хотим рассказать.

В честь двадцатипятилетия пионерской организации мы решили зажечь двадцать пять костров — двадцать четыре звеньевых и один общелагерный. Никому из нас ещё не приходилось видеть столько костров!

В назначенный час по горну все пионеры в парадных формах собрались на торжественную линейку.

Сумерки уже спустились над лагерем, когда в небо с шумом взвилась зелёная ракета. Это было сигнал: всем звеньям бежать к своим кострам.

Наше звено было уже на месте, когда в небо поднялась вторая ракета — зажечь костры! И

вот тут мы должны были показать свою ловкость: одной спичкой зажечь костёр. Этому нас учили в походах. Всё же приходится признаться, что два звена не справились с задачей и истратили на свои костры по две спички.

Скоро по всему берегу Туношонки горели костры. Ребята слушали беседы о юных патриотах нашей Родины и выступали со своей самодеятельностью. Со всех сторон неслись песни и музыка. Казалось, вся поляна пойт и веселится вместе с нами, а в лесу нас передразнивало эхо.

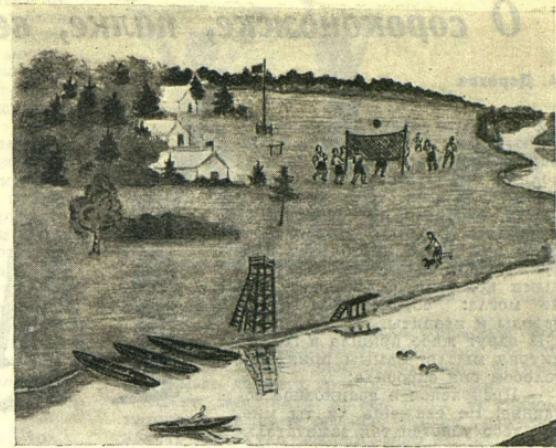
Наш костёр уже догорал, когда вспыхнула третья ракета, и со всех сторон ребята побежали к общелагерному костру. Здесь началось самое интересное.

В то время как председатель совета лагеря Володя Танкилевич зажигал костёр, мы собирались тесным кругом и громко прокричали стихи, которые сочинила девочка из нашего звена Нина Ляпина.

«В этот день в стране советской
Двадцать пять лет назад
Был основан пионерский
Самый первый наш отряд.
Этот праздник юбилейный,
Над страною пронесись,
И по лагерю родному
Двадцать пять костров зажгись!»

Костёр вспыхнул, затрещал, огненные искры высоко полетели в чёрное небо и осветили всю поляну. Мы отбежали от костра и снова крикнули:

«Ты гори, гори, костёр,
Пионерский наш костёр!
Разгорайся побыстрей,
Чтобы было веселей!»

«Пионерский лагерь в лесу». Этот рисунок нам прислали Юра Ефименко, станция Некоуз, Ярославской области.

Заиграл оркестр, и мы запели песню о Сталине.

Веселились мы долго. Пели, танцевали, читали стихи, ставили литературные шарады и загадки, а на прощалье танцевали пионерский вальс.

От костра остался один обгорелый шест, когда мы, жалея, что так быстро пришла ночь, выстроились на вечернюю линейку.

И вдруг новость: начальник лагеря объявил лагерь на военном положении.

На ночь у каждой палатки были выставлены караулы, а утром мы все превратились в офицеров и солдат, и целый день шла большая военная игра.

Пионеры Ярославского лагеря областного актива.
Валя Тропоткина, Тамара Звездина, Зина Губанова, Нина Ляпина.

Мы поместили только часть писем из присланных в редакцию, к сожалению, больше здесь не хватило места. Писем очень много, и все они говорят об интересной, увлекательной пионерской жизни. Члены клуба альпинистов при Тбилисском дворце пионеров совершили высокогорный поход. Ребята Уфы путешествовали по местам боёв Чапаевской дивизии. Люся Паничева из села Кукобоя, Ярославской области, была в областном пионерском лагере; она научилась новым интересным играм, песням, танцам и теперь сама учит этому пионеров своей дружине. О путешествиях на байдарках по Протве, Оке и Лопасне написали ребята 657-й московской школы.

Интересно прошло у вас лето, ребята! Желаем вам удачи и в новом учебном году!

О сороконожке, палке, верёвке и мячике

А. Дорохов

Рис. Я. Титова

Вы знаете старинную индейскую сказку о сороконожке? «Однажды сороконожка танцевала на солнце на опушке леса. Старая жаба сидела в тени большого камня, смотрела на сороконожку и злилась. Ей было обидно смотреть, как ловко перебирает плясунью всеми своими многочисленными ножками, а съест её она не могла: сороконожки очень тверды и ядовиты.

И вдруг жабе пришла в голову хитрая мысль. Самым приятным голосом она спросила:

— Прекрасное и грациозное создание! Не скажешь ли ты мне, как тебе удаётся так замечательно распоряжаться своими ножками? Откуда ты знаешь, какая ножка подымается первой, а какая — двадцать восьмой? Которая ножка опускается, когда подымается одиннадцатая? Что в это время делают седьмая и двадцать третья?

Сороконожка остановилась. Она начала думать о том, как же в самом деле она поступает? Какую ножку ей надо поднять, чтобы продолжить свой танец?

Но она этого не знала. И чем больше она об этом думала, тем больше запутывалась. Так она и осталась немодной со всеми своими сорока ножками.

Каждый из вас, ребята, мог бы оказаться в положении сороконожки, если бы вам пришлось всякий раз соображать, как вы должны управлять всеми своими мускулами и сухожилиями. Ведь в любом нашем движении принимают участие десятки крупных и мелких мышц. Делая шаг, мы сокращаем одни мышцы, расслабляем другие, затем третьи... Но мы делаем всё это автоматически, не задумываясь, потому что постепенно привыкали к таким движениям с наших первых шагов и упражняемся в них непрерывно.

Чем сложнее движения, тем больше надо к ним привыкнуть, чтобы наше тело выполняло их механически. И тем чаще надо их повторять, чтобы они не забывались.

За лето вы научились быстро бегать, высоко прыгать, бросать в цель, лазить по деревьям. Ваше тело приобрело много новых навыков. Но если теперь вы будете только сидеть за партой или столом, то бойся, что весной вам придётся начинать всё сначала.

— А что же нам делать? — спросите вы. — Ведь все стадионы уже закрылись, а уроки гимнастики бывают только два раза в неделю.

Этому легко помочь. Есть три простых

предмета, при помощи которых можно заниматься любыми упражнениями и сохранять все навыки. Это палка, верёвка и мячик.

Попробуйте заглянуть в чемодан боксёра, уезжающего на тренировку. Вы наверняка найдёте в нём детскую скакалку — кусок крепкой верёвки с двумя деревянными ручками на концах. Рядом вы увидите большой кожаный мяч. Это не подарки знакомым детям. Это любимые тренировочные снаряды боксёра, да и не только боксёра, а и гребца, лыжника, атлета.

Прыгая через верёвочку, боксёр развивает мышцы ног и корпуса и приучается точно рассчитывать свои движения. Бросая друг другу и ловя тяжёлый кожаный мяч, боксёры прекрасно развивают мышцы спины, рук и поясницы. Кроме того, такая тренировка приучает к быстрой реакции. Нужно быть всё время наготове, чтобы, не сходя с места, поймать мяч, который тебе неожиданно бросит товарищ.

А те из вас, кто бывал на физкультурных парадах или видел в кино фильмы об этих парадах, наверно, помнят, какие разнообразные и красивые упражнения с простыми палками проделывали участники гимнастических выступлений.

Раздобыть палки, верёвку и пару мячей — большой и маленький, — и ваше зево сможет успешно заниматься спортом всё это время, пока стадионы закрыты, а катки и лыжные базы ещё не открылись. Этими упражнениями можно заниматься либо у себя на дворе, либо в школьном зале.

Обстругайте несколько ровных нетолстых палок, длиной в один метр, по числу членов звена, и начинайте с упражнений с палками.

Затем можно переходить к прыжкам через верёвочку. Всегда найдутся девочки, которые знают много способов прыгать. Но почему-то этим обычно занимаются только девочки. Мальчикам это тоже не повредит.

Так же полезно играть в большой мяч. Можно встать в круг лицом к середине и перебрасывать мяч друг другу. Можно стать спиной к середине и перебрасывать мяч, быстро поворачиваясь. Можно перебрасывать мяч, не хватая его, а только отбивая руками, как при игре в волейбол.

А затем организуйте какую-нибудь игру. Крепкая палка и маленький мячик нужны для увлекательной игры в лапту. Её знают

все ребята. Играя в лапту, приучаясь не только быстро бегать и сильно и точно бить по мячу, но и воспитываешь в себе меткость, находчивость и ловкость. В этой игре воспитываются те навыки, которые нужны для метания диска и копья, для бросания гранат, для футбола, волейбола, баскетбола и других спортивных игр.

Возьмите несколько больших толстых палок, напилите из них чурки и организуйте игру в городки. Эту игру тоже знают многие ребята, но не все знают, что городки были любимой игрой знаменитого русского учёного академика Ивана Петровича Павлова. Почти каждый вечер после работы он играл в городки со своими помощниками на поляне возле своей лаборатории в Колтушах. Павлову было уже восемьдесят лет, но никто из друзей не мог победить его на городошном поле. Он очень гордился дипломом «чемпиона Колтушской по городкам», который ему торжественно поднесли после одного из состязаний, и говорил, что эта игра — лучший отдых после напряжённой работы.

Если у вас есть толстая и крепкая верёвка, организуйте перетягивание каната. Разделийтесь на две равные партии, отметьте на вёревке тягойкой середину и положите вёревку этой отметкой на чёрте, проведённой на полу или на земле. Потом одна партия тянет за один конец каната, а другая — за другой. Кто перетянет? Это — излюбленное соревнование наших мо-

Здравствуй, школа!

Елена Благинина

Скромная рябинка у забора
Пышно распылалась, как заря.
Лето на исходе, значит, скоро
В город... До свиданья, лагеря!
Напоследок мы побродим славно,
С лесом попрощаемся, с рекой.
Вот полянка, где совсем недавно
Полыхал костёр, — да ведь какой!
Алое, громадной силы пламя,
Золотом пронзённое насквозь,
Точно развернувшееся знамя
В черноту глубокую взвилось
И посвистывало, и сверкало,
И пускало тени в дикий пляс,
И горячим светом обтекало
Нас... И всё, что окружало нас.

ряков, без которого не обходится ни один морской праздник.

Всё это только несколько примеров тех спортивных упражнений, которыми может заниматься любое пионерское звено. Можно придумать десятки других упражнений.

Важно запомнить только одно. То звено, которое возьмёт за правило каждое утро проводить зарядку, а каждый вечер уделять час — другой физкультуре, будет первым и на стадионе и на лыжной базе. Его пионеры не растеряют тех навыков, которые они приобрели на тренировках, и легче и быстрее будут осваивать новые виды спорта.

И ещё об одном обстоятельстве следует знать каждому пионеру. Лучший отдых от умственной работы — это физический труд. Если в первые между приготовлением уроков вы наколете или напилите дров, подметёте двор, вымсете или натрёте пол, накопаете в саду картошки, — это даёт такой же результат, как занятие гимнастикой. Кровь отдаёт от мозга, организм как бы встягнётся, внимание отдохнёт, и вы с новыми силами сможете взяться за учебники.

Вот ручей. Он совершенно чистый —
Булькает доверчиво, поёт.
А по этой тропочке тенистой
Мы однажды двинулись в поход.
По обочинам качались травы...
И пришли мы в полдень голубой
На поле, где в блеске бранной славы
Шёл когда-то Бородинский бой.
...Где-то близко тараторят жнейки,
Сыплет осень золото в овраг.
На последней лагерной линейке
Полетит по мачте алый флаг...
Здравствуй, школа! Здравствуй, дом
чудесный!

Под высокой кровлею твоей
Заживём опять семью тесной —
Самою счастливой из семей!

Чудесная сила — советский человек!

Ване Румянцеву шёл пятнадцатый год, когда он вступил в Красную гвардию — мстить за старшего брата Сашу...

Окончилась гражданская война. Но и на мирной хозяйственной работе Румянцев про должал считать себя военным. А на парадах в Москве, на Красной площади, Иван Румянцев, самый молодой из стариков, командовал отрядом ветеранов революции.

Его любимым чтением во все годы были биографии старых большевиков. Читая с Ленине, Сталине, Дзержинском, Фрунзе, Кирове, он говорил себе: «Вот и ты большевик, — значит, должен держаться так же: упражнений ум, волю, физические силы». Над раскрытым стоянцией ещё и ещё раз проверял себя: «Ну, а ты мог бы поступить так, хватило бы у тебя мужества, воли, выдержки?»

Настали дни испытаний.

В 1944 году офицер Румянцев, сам тяжело раненный, в голове раненых бойцов пытал через реку Припять. Он должен был служить им примером. Но вот на середине реки судорогой свело и руки и ноги. Кажется, недоплыть. Но «есть где-то у каждого человека внутри такой тайный запасной склад... чтобы хоть раз в жизни открыть его, использовать его богатства, надо многие годы упражнять свою волю. Если у тебя хоть на мгновение ослабнет воля к жизни, если ты скажешь: всё кончено, больше нет сил, — тайник не откроется, ты погибнешь, так и не прикоснувшись к его огромным запасам. А если ты борешься со смертью, не мысяя уступить ей, если она хватает тебя, а ты не испугался, сам норовишь схватить её за глотку, вот тут-то и наступает момент такого напряжения, что все запоры лопаются, тайник распахивает свои двери, и поток новых сил вливается в твои ослабевшие, изнемогшие в борьбе мускулы».

И Румянцев доказал. Помчал куда следует доверенных ему людей. Воля человека победила. Тут же, на берегу, он свалился, потерял сознание.

Со слов Героя Советского Союза Ивана Николаевича Румянцева писатель Е. Герасимов написал книгу «Рассказ героя».

Румянцев — поллитработник, заместитель своего командира по политчасти. Он не просто воюет, он воюет так, что каждым своим поступком и словом зовёт людей вперёд, помогает им быть врага — в любой обстановке, при любых обстоятельствах.

Перезаряженный автомат, он говорил бойцу, стrelавшему рядом:

— Помнишь, что сказал Сталин про рыбаков на Енисее, попавших в бурю?

И повторяя слова товарища Сталина о том, что не страшна никакая буря, если смело идёшь ей навстречу.

Книга «Рассказ героя» показывает, что война — не парад, не красивая, яркая весёлышка минутного подвига, а трудное дело, величайшее испытание всех сил народных. Недаром говорят Румянцев и его друзья, что на войне самый маленький недостаток человека становится большим, что выполнить по настояющему долг солдата может только тот, у кого душа «чистая, без соринки».

Вот они, воины великой битвы, боевые друзья Румянцева, люди высокого долга и большого сердца. Обаятельный, милый Садык — инженер из Ташкента. «Ты слишком нежный для войны, ты же учёный человек, Садык», — говорят ему, — и он отвечает: «Я, Вания, такой же коммунист, как и ты». Требовательный командир Гудзь — «особенный» полковник, у него КП всегда поближе к переднему краю, он воет по формулам дивизии подпирает полки, полки — батальоны. Вялый, медлительный в виду капитан Перебейнос — самый спокойный офицер в полку, но на участке у него всегда всех жарче. Рядовой Дорожев — пожилой человек, но он как-то «перехитрил» военкомат по части возраста и на марше с трогательной старательностью ухаживает за своими ногами — всё боится отстать от части, боится, что отчислят в тыл.

Читая об этих людях, и хочется сказать вместе с Иваном Румянцевым: «Какая замечательная сила — советский человек!»

Нат. Типот

Путешествие за тайнами леса

Два мальчика встретили на берегу озера женщины, приехавшую недавно в их местность на лето. Они спросили:

— Который час?

Незнакомка посмотрела на белые цветы кувшинок и ответила:

— Пять часов.

— А где же ваши часы? По воде плавают? — усмехнувшись, спросили мальчики.

— Мои часы всюду, — ответила женщина, — их тысячи. Их заведут часовщик — солнце. Раскрывает свои синие щёчки цикорий, — значит, сейчас четыре часа утра. Проснулся одуванчик, — уже пять. В восемь вечера раскрывается душистый табак; цветы колокольчика, закрываясь, показывают мне полноту. В любое время дня какой-нибудь цветок говорит, который час.

В другой раз заблудившейся девочке женщина показала дорогу с помощью муравейника.

За таинственной женщиной стали следить любопытные ребячью глаза: может, она даже и не волшебница, но, во всяком случае, ей известны все лесные тайны. Вот бы выведать их, особенно тайну лесных кладов! Почему незнакомка всегда приходит с полным лукошком грибов из того леса, где другие искали-искали и ничего не нашли?

Таинственная незнакомка оказалась не волшебницей, а писательницей, которая хорошо знает и очень любит природу. Она взяла ребят за руки и отправилась с ними в путешествие — на поиски таинственной нити-невидимки, которая помогает искать лесные клады, грибные скопления.

По дороге путешественники увидели и узнали много необыкновенных вещей.

О китайском веере сыроежики. О «сорокиной башне» — грибе дождевике, о марше лесных путешественников, о «седьмых кольцах», о том, как гриб съел дом и как гриб печёт хлеб, о том, как судили и казнили барбарис, о чудесном изумрудном зерне, спрятанном в зелёных листьях растений, и о многом другом.

Это замечательное путешествие можете совершить вы, ребята, читая книжку Н. Надеждиной «Полное лукошко».

Тонкую и нежную нить природы писательница сумела превратить в поэтическую волшебную путеводную нить к тайнам природы. Книжка открывает вам, ребята, обширный мир вокруг нас, обогащает, помогает понять родную природу.

Я спросила нашу Инну, которая только что прочла эту книгу:

— Понравилось тебе «Полное лукошко»?

— Просвирнилось.

— За что?

— За свои секреты. Очень интересные и очень полезные секреты. Я их стала переписывать, но пересчур крупно вышло. Перепишу обязательно ещё раз, помельче, потому что секретов много и надо, чтобы все поместились.

«Твои глаза пытливы и зорки, и ты можешь стать искусственным искателем лесных кладов. В этих походах в зелёную чащу ты найдёшь и другой чудесный клад — поймёшь и всем сердцем полюбишь прелесть родной природы. И потом, когда вырастешь, станешь большим, куда бы тебя ни забросила судьба, — как самое лучшее и дорогое, вспомнишь весеннюю песнь соловья, милую русскую берёзку и свежко-чистые цветы ландыша, точно замёрзшие росинки, повисшие на стебельке. Вспомнишь в минуту усталости — и с новой силой выпрямишься, точно дохнуло в лицо лесной свежестью, точно донёсся до тебя величавый шум леса, голос родной земли.

Так или же смело вперёд по зелёной тропинке, маленький разведчик природных богатств! ...Тебя поведёт чудесная нить-невидимка.

Лес шумит, лес зовёт тебя...

Так кончается свою «Полное лукошко» Н. Надеждина, и мне думается, что она всё же немножко волшебница, потому что лёгким касанием живого слова умеет раскрыть ребятам невидимый (потому что не всегда на него смотрим) чудесный мир вокруг нас.

ЮНЫЕ СТРОИТЕЛИ

Фото Т. Маят

Наверно, все вы читали в сказках о том, как с помощью друзей-пчёлок, или муравьёв, или волшебного кольца Иванушка в одну ночь строит красивый дворец.

А вот вам были без всякого волшебства: молодые строители, ученики школы ФЗО № 33; они работают на скоростной стройке вместе со взрослыми рабочими.

Когда делался этот снимок, они укладывали стены первого этажа. Они сказали фотографу:

— Приходите через десять дней, и мы будем беседовать уже на втором этаже. И действительно, через десять дней ребята работали на втором этаже.

Олег Самошин, Володя Правдин, Вася Назаров, Коля Мысков, Витя Мурашов и Володя Румянцев перевыполняют нормы скоростного строительства. Вместо четырёхсот кирпичей они укладывают по 450—500 штук на звено из двух человек.

Об этих пятнадцатилетних строителях старшие товарищи говорят с уважением.

СОДЕРЖАНИЕ

Моя школа. — Стихи З. Александровой. Рис. Н. Лапинина	1 стр.
В одной школе. — Н. Розенкрапп	2
Путешествие в 1917 год	8
Свет Москвы. — Главы из повести Льва Касилья. Рис. В. Цельмера	12
Ваня-стекольщик. — П. Воронько. Рис. В. Цельмера	20

На обложке: рисунок лауреата Сталинской премии Л. Голованова. *«Всегда готов!»*

Редколлегия: Атаров Н. С., Воронков К. В., Ершов Г. А., Ильина Н. В. (редактор), Каверин В. А., Кассиль Л. А., Орлов В. И., Смирнова В. В.

Адрес редакции: улица «Правды», 24, комната 566, тел. Д 3-30-73.

Подписано к печати 19/IX-47 г. Изд. № 657. 82×110. 1/16 бум. листа.

А-08257. 76 999 печ. зн. в печ. листе. 5 печ. л. Тираж 58 000. Заказ 2024.

Типография газеты «Правда» имени Сталина. Москва, ул. «Правды», 24.

Всего 10 минут

нужно для того, чтобы сделать
утреннюю зарядку

Гимнастика укрепляет здоровье, увеличивает работоспособность, создаёт бодрое, жизнерадостное настроение.

Летом делай зарядку на свежем воздухе или при открытом окне, зимой — при открытой форточке.

После гимнастики обтирайся холодной водой. К обтиранию холодной водой начинай приучать себя в тёплое время года.

Наш питомник

В. Корчагина

Мичуринский сад стал рассадником прекрасных садов по всей нашей необъятной стране. В этом деле дорог пioniерский почин. Заложите и вы на пришкольном участке хоть небольшой питомник, и, кто знает, быть может, ваш маленький сад станет ро доначальником садов целого района.

Отведите ровную с небольшим склоном и хорошо защищённую от ветра делянку — для дичков. Это будет ваш питомник.

Осенью глубоко перекопайте землю и внесите удобрение: старый, перепревший навоз, компост или старый торф из расчёта 6 килограммов на квадратный метр.

Перекапывая землю, ни в коем случае не разрыхляйте её граблями. Между большими пластами земли лучше задерживается снег, почва хором преразает и к весне становится более рыхлой и питательной. Весной перекопайте участок ещё раз и разделайте граблями.

Семена плодовых деревьев, черенки смородины и корневую поросьль малины нужно заготовлять осенью.

Но, если вы посесте семена яблони, груши или сливы, то через несколько лет из этих семян вырастут растения совсем не похожие на магнитскую яблоню, грушу или сливу. Поэтому садоводы сначала выращивают из семян так называемые «дички» (подвой), на которые потом приивают культурные сорта. Выносливый подвой влияет и на привитые культурные сорта, они делаются более стойкими и выносливыми.

Лучше всего выращивать дички из семян диких морозостойких и выносливых плодовых деревьев. Можно собрать и семена аронии и аниса, дички, выросшие из семян этих сортов, также морозостойки, как и дички дикой яблони.

Семена подсушите, рассыпав на два—три дня на столе, и сохраняйте их в бумажных пакетиках или спичечных коробках в сухом месте.

В конце осени или в начале зимы, перемешав семена с чуть влажным песком (одна часть песка на четыре части семян), ссыпьте в глиняный горшок и перенесите в подвал или заройте где-либо в саду. Чтобы мыши не добрались до семян, горшок закройте куском стекла.

Это делается для того, чтобы семена дозрели и дали хорошие всходы. Садоводы называют такую подготовку семян стратификацией. Без стратификации семена плодовых растений не прорастают.

Если бы семена прорастали осенью, сразу же после созревания плодов, то молодые всходы погибли бы зимой. В течение многих веков разтёгие приспособились к зиме. Осенью яблоко падает с дерева на землю, весною оно пролежит под снегом, а в весне, когда яблоко спишет, дозревшие семена попадут в почву и прорастут.

Весною, когда земля подсохнет, высыпьте семена. При появлении у сеянца третьего листочка сделайте пересадку (пикировку). Расстояние между сеянцами — 50 сантиметров, между рядами — 1 метр. При хорошем уходе, поливке, рыхлении, удобрении в питомнике вырастут крепкие, выносливые дички. На третье лето вы сможете их привить.

Ягодные кустарники и землянику размножают черенками, отводками, усами и корневыми отпрысками. Саженцы малины заготовлять очень легко, если есть взрослые кусты малины. Отделите от кустов малины корневые отпрыски — молодые побеги, растущие в изобилии вокруг взрослых посадок — и саженцы готовы. Их можно сразу же посадить на постоянное место в сад.

Осень — лучшее время для заготовки молодых отпрысков малины. Отпрыски выкалывайте вместе с частью материнского куста, а потом подрежьте их так, чтобы после подрезки стебли их были не длиннее 15—20 сантиметров. Корни отпрысков должны иметь хорошую почку и несколько почек, расположенныхых у корневой шейки.

Смородина красная, белая и чёрная размножается делением старых кустов, отводками и черенками.

Заготовлять черенки смородины лучше всего осенью (как это сделать, прочтите в № 2 нашего журнала). Отпрыски малины и черенки смородины, связанные в пучки, прикопайте где-нибудь в саду или в поле во влажном песке.

